

The top portion of the cover features three soldiers in blue-tinted water. The soldier on the left is a sailor with a white headband. The middle soldier is a man in a beret aiming a rifle. The soldier on the right is a woman in a beret also aiming a rifle. The water is splashing around them.

МОРСКОЙ СПЕЦНАЗ

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

РАЙ СО СВИСТОМ ПУЛЬ

Морской спецназ

Сергей Зверев

Рай со свистом пуль

«Научная книга»

2012

Зверев С. И.

Рай со свистом пуль / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2012 — (Морской спецназ)

В Юго-Восточной Азии затонула яхта «Виктория», принадлежащая проворовавшемуся российскому олигарху Каренину. Трюм судна был забит слитками золота, и теперь все это сокровище покоится на морском дне. Группе морских пехотинцев майора Дымова поручено поднять и переправить в Россию золото, а заодно и задержать самого олигарха. Но едва спецназовцы приступили к выполнению задания, как стало известно, что затонувшей яхтой и ее грузом интересуются весьма опасные типы...

© Зверев С. И., 2012

© Научная книга, 2012

Сергей Зверев

Рай со свистом пуль

«Умереть легко, трудно остаться в живых».

Р. Сервис

23 февраля, 22.30.

Где-то в восточной части моря Сулавеси

После тихого дня и сытного ужина разразился адский шторм. Волны вставали, как земляные валы, – страшные, черные, высотой под три метра. Дождь хлестал, как из брандспойта, лопались набухшие тучи, обрушивая в море потоки осадков. Шквалистый ветер гнал их на юг, разбрасывал, но уже подходили другие, теснились, толкались. Небо расчерчивали сполохи молний, угрожающе рокотал гром – словно запертый в клетке монстр, в которого тычут кольями. Парусно-моторная яхта среднего водоизмещения с удлиненным бушпритом моталась по волнам, как спичечный коробок. Рулевой хрипел от натуги, удерживая нос навстречу волне, – потоки воды заливали палубу, казалось, еще немного, и яхта зачерпнет так, что уже не всплывет. Но снова вырисовывался из пучины прогнувшийся бушприт, судно перекатывалось по горке, энергия стихии работала на отрыв, и снова рулевому приходилось делать невозможное, чтобы не подставить борт убийственной волне...

Из кают-компания на заднюю палубу вывалился человек, закутанный в водоотталкивающую накидку. Вцепился в перекладину над головой, когда порыв ветра чуть не вышвырнул его в море. Хватаясь за борта, он добрался до лестницы, ведущей на капитанский мостик, полез наверх – при этом ветер чуть не сорвал с него накидку – и камнем ввалился в рубку, стащил с головы капюшон. Судно угрожающе накренилось, он схватился за подвернувшийся крюк. Мужчина был сравнительно молод, правильное, отчасти интеллигентное лицо покрыла смертельная бледность, вода текла по лицу, смешиваясь с потом, страх метался в глазах.

– Кэп, что происходит? – хрипел он по-русски, затравленно шаря глазами. – Когда это кончится?! Какого хрена мы оказались посреди моря в этот шторм?! Тебе руки сидеть не мешают, идиот?!

Капитан Джанджин, пожилой китаец из Сингапура, был испуган не меньше пассажира. Он гортанно покрикивал на плечистого рулевого, который и без ценных указаний знал, что ему делать. По-русски капитан не понимал ни слова, но ситуация в переводе не нуждалась. Джанджин залопотал по-английски, испуганно метались прищуренные глазки, и мужчина в накидке со злости чуть не треснул его по уху – от капитана безбожно разило спиртным! Страх врачует, подонок?! Что он там мямлит?.. Дорогие пассажиры могут не волноваться, все в порядке, скоро буря закончится... Да, он осознает всю меру ответственности, прекрасно помнит, что ему заплатили в тройном размере, и он обязан довести «Викторию» до конечного пункта в целостности и сохранности и, по возможности, без приключений. Но это море, в разгаре сезон дождей – время, когда погода непредсказуема! Хватаясь за приборную панель, перепуганный капитан добрался до микрофона интеркома, стал в него что-то визгливо выкрикивать, перемежая китайские слова английскими, – вызывал своих людей, попрятавшихся в закутках судна.

– Ни хрена себе сезон дождей... – проворчал мужчина. – Да это сезон конца света какой-то...

Сквозь мрак и потеки воды на стекле было видно, как с нижней палубы выбираются члены экипажа. Хватаются за леера, за выступающие части надстройки, чтобы добраться до палубы, где трещала и раскачивалась мачта, с которой отрывались, словно нитки, оцинкованные вантовые тросы. Давно пора перерубить эту чертову штангу, о чем он раньше думал! Кто-то из матросов оказался сообразительным – натянул на себя спасательный круг. Но не все до этого додумались. Судно безжалостно повело – девятый вал, страшный, как божья немилость,

захлестнул яхту. Прочертилась фигурка с растопыренными конечностями – визжащего матроса унесло в бушующее море! Наперебой заголосили живые, кто-то швырнул за борт спасательный круг, да куда там! Схватился за голову капитан Джанджин, завыл, как волк в полнолуние. Потом он снова начал лебезить, подобострастно заглядывая в глаза потрясенному пассажиру. Да, возможно, это не самый удачный рейс в жизни капитана Джанджина, который уже тридцать лет бороздит моря Юго-Восточной Азии, но видят все боги – морские и сухопутные, – что он ни капельки не виноват! И пусть мистер передаст хозяину, что это всего лишь роковое стечение обстоятельств! Шторм начался внезапно, он просто не успел убраться под защиту архипелага Бампанг, где собирался переждать ненастье, – там защищенные бухты, волнорезы, надежные причалы. Да он в любом случае не успел бы туда убраться! Дефект в моторной части вскрылся внезапно, еще до того, как разверзлись хляби небесные, моторист до последнего не докладывал об обнаруженной неисправности, рассчитывая ликвидировать ее самостоятельно (и за это Джанджин непременно накажет разгильдяя!). В итоге двигатель, прошедший в прошлом тысячелетии капитальный ремонт, то работает, то не работает, но это уже не играет никакой роли. Он понятия не имеет, где этот чертов архипелаг! Приборы отказали! Судно отклонилось от маршрута, его уносит стихией бог знает куда! Сейчас единственная задача – удержаться на плаву. Хорошо хоть не додумались парус поднять! Радиост отправил сигнал бедствия, маяк работает, но кто придет на выручку в такой шторм? Он подавился собственным воем, когда очередная волна подбросила яхту, швырнула обратно в пучину. Вода на палубе стояла по колено. Судно качалось, как на американских горках. Свистел ураганный ветер. Отчаянные матросы, страхуя друг дружку от «подъема-переворота», безуспешно пытались срубить мачту – она трещала, содрогалась, но не падала и из потенциального источника опасности превращалась в вопиющий! Было видно сквозь марево ливня, как группа людей водит хоровод вокруг рангоутного дерева, взлетают и опускаются топоры. Флегматичные люди на нервной работе – как-то машинально отметил пассажир.

– Спасибо, Джанджин, мать твою... – пробормотал он. – Умеешь же ты преподнести добрую весть...

Он ногой распахнул дребезжащую дверь и вывалился наружу, пока порыв ветра ее не захлопнул и не размозжил ему голову. Он съехал по лестнице, вцепившись в перила... и чуть от страха не окачурился, когда ураганный ветер оторвал его от перил, и он покатился по палубе, подпрыгивая, как квадратное колесо! Не ухватись он за леер, возвышающийся над фальшбортом, его бы смыло в открытое море! Стуча зубами от ужаса, он куда-то полз, упираясь в спасительные выступы всеми конечностями, добрался до лестницы, скатился вниз, облегченно перевел дыхание. Молиться нужно, господа, молиться, пока не все еще потеряно... Пол уходил из-под ног, он пытался пройти по коридору нижней палубы, но его отшвыривало обратно. Дизель-генератор пока еще работал – мерцали и подмигивали лампочки под плафонами. Под ногами хлюпала вода – она стекала с кормовой палубы. Все пассажиры в этот судьбоносный час собрались в каюте, облюбованной главой почтенного семейства. Телохранители Олег и Максим подпрыгивали на откидных сиденьях – бледные, как зомби, лица перекошены. Физиономии и так без излишней интеллектуальности, а страх перед высшей силой их и вовсе изувечил. Кого-то из парней недавно стошнило – характерная лужица на полу, и запах характерный.

– Занос – полтора метра, Адам Станиславович... – рискнул пошутить Максим, делая карикатурную гримасу.

– Вас там не смыло? – подал голос Олег. – Разобрались в ситуации – что там творится? Нас уже полтора часа болтает...

– Пипец, парни... – пробормотал мужчина в накидке, нацеливаясь на дверь в конце коридора. – Причем полный, и уже не крадется, а встал в полный рост и бежит...

До охранников, похоже, не доходила вся пикантность положения. Как она дойдет – с такой-то толщиной лобной кости?

- Скорее бы уж эта хрень заканчивалась... – тужась, как роженица, выдавил Максим.
- Ага, и другая начиналась, – согласился Олег.

В прилично декорированной каюте царило беспросветное уныние. Щуплый молодой человек с трагической миной на лице пытался добраться до вмурованного в стену бара, но его швыряло по «траверсу», и он никак не мог пройти нужное расстояние. Морщинистому седовласому господину повезло больше, он уже откупорил увесистый штоф «Jack Daniels» и жадно пил, закатывая глаза. Стекло стучало по зубам, золотистая жидкость стекала с подбородка. В углу кровати, придвинутой (и, слава богу, прикрученной) к стене, жались двое благообразных господ – основательно в годах, похоже, связанных узами брака, – маленькую миловидную женщину с огромными кричащими глазами обнимал обрюзгший мужчина с двойным подбородком и элегантной стрижкой с проблесками седины. Свободной рукой он прижимал к переносице золоченую оправу очков, которые постоянно падали. В глазах, опутанных морщинами, поблескивал тоскливый огонек.

- Адамчик, что там? – жалобно протянула женщина.

– Все в порядке, Людмила Борисовна, – кривя душой, пробормотал Адам Станиславович. – Капитан уверен, что этот шторм – не последний в его жизни, он скоро кончится...

- Господи, не зря я молилась...

– Да черта с два он кончится, – пробормотала взлохмаченная брюнетка, как-то странно поглядывая на вошедшего. Так поглядывают на человека, с которым спишь, но это уже не радует. – Все еще только начинается, дорогие родные и близкие... Что, папуля и мамуля, – злобно выхаркнула брюнетка, – не ожидали, что все так плохо кончится? Сколько опасностей в жизни – и все мимо. А тут – откуда не ждали – бац!

– Ева, прекрати! – раздраженно выкрикнул благообразный очкастый господин. – Не уважаешь отца, так уважай хотя бы мать! Могла бы быть и повежливее – сколько мы с матерью для тебя сделали... Адам, нечего мотаться по судну! – прикрикнул господин на вошедшего. – Не хватало еще, чтобы тебя куда-нибудь смыло! Сядь и никуда не выходи!

– Как скажете, Александр Наумович, – пожал плечами Адам Станиславович, пристраиваясь неподалеку от обливающегося потом толстячка – тот сидел на пятой точке, вжавшись в угол, и каждый раз, когда его отрывало от пола, он вцеплялся обеими руками в боковину дивана и шептал слова молитвы.

– Народ, все будет нормально! – преувеличенно бодро возвестил господин с двойным подбородком – глава семейства и, без сомнения, самый важный пассажир на яхте. – Перестаньте трястись, это всего лишь небольшая качка! Мы доверили свои жизни опытному морскому волку, у Джанджина колоссальный опыт!

– Не хотелось бы снова вмешиваться, папуль, – ехидно заметила брюнетка, – но у Джанджина колоссальный опыт по части потребления горячительных напитков – боюсь, это увлечение не всегда способствует принятию правильных решений в критических си...

Судно неудержимо повело, и все «незакрепленные» покатались по наклонной! Морщинистый господин у раскрытого бара выронил бутылку, повалился на «блуждающее» кресло, закричал от боли в ушибленной ноге. Из бара вываливались сосуды с интересными этикетками – один разбился вдребезги, другие куда-то запрыгали.

– Водка разбегается, достукались, – прокомментировала Ева. – Герман Германович, Айболит вы наш, как же вы так не убереглись?

Щуплый молодой человек, уже практически добравшийся до бара, завертелся на месте, хватаясь за воздух, повалился на красивый резной стул, который треснул под ним и развалился.

– Расстройство стула, Ленчик? – нервно захохотала бледная блондинка – она сидела под прикрученным к полу письменным столом и, похоже, не ощущала особенных неудобств. – Слушай, прекращал бы ты это, а? Ну, не судьба, согласись. Ступай сюда, обними свою законную жену, когда еще удастся?

– Да пошли вы все! – истошно завыл молодой человек, выбираясь из обломков и отползая к кровати. Он сходил с ума от страха, растирал замороженную голову, усиленно моргал. – Да что же это такое творится... да что же это за бред такой...

– Мы должны молиться, Александр Наумович, – глубокомысленно изрек потный толстяк. – Неважно, верим мы в Бога или нет, все равно мы должны молиться – иначе, я чувствую, добром это путешествие не кончится...

– Да ну вас в зад, Константин Михайлович. – Блондинка изменилась в лице и превратилась в злобную валькирию. – И без ваших молитв наша светлая грусть превращается в какую-то беспросветную тоску...

– Анна, заткнись! – рявкнул глава семейства. – Сколько можно говорить, что нам нечего опасаться?

– Точно, папуля, нечего, – кивнула Ева. – Раньше надо было опасаться. Кстати, тебе не приходит в голову, что боженька таким вот интересным способом решил наказать тебя за твои грехи, которые нет сейчас смысла перечислять, поскольку ты и так о них знаешь?

Глава семейства собрался возмутиться, крепче обнял рыдающую жену. Нависла тоскливая тишина, нарушаемая лишь ревом бури за иллюминатором и треском ломающейся мебели. Только лысый толстячок продолжал что-то тягостно бормотать – дребезжащий голос напоминал блеяние овцы.

– Да заткнетесь вы когда-нибудь, Константин Михайлович? – обозленно выкрикнул молодой человек по имени Адам. И покрутил кулаком перед бледным лицом визави, покрытым толстым слоем жира.

– Сами заткнитесь, Адам Станиславович! – взвился толстяк. – А если я вас напрягаю или раздражаю, то вы всегда можете пойти на хрен!

– Подождите... – прохрипел, поднимаясь с пола и растирая пострадавшую ногу, семейный доктор Герман Германович. – Мне одному из присутствующих кажется, что качка начинает уменьшаться?

– И мне кажется... – перестала плакать и сглотнула слюну супруга главы семейства и начала выпутываться из объятий Александра Наумовича.

– Слава богу! – обрадовался толстяк.

– А мне вот, боюсь, не кажется, – проворчала блондинка Анна.

– Да, собственно, и мне, – фыркнула брюнетка Ева. – Мало того что нас по-прежнему трясет, как Японию, так мы еще куда-то понеслись...

– Вот черт... – встрепенулся Адам Станиславович и на четвереньках засеменял к иллюминатору. Он отдернул штору, сплющил нос о толстое стекло. Потоки воды хлестали по иллюминатору, но какая-то видимость сквозь него сохранялась. Он напряженно всматривался в ночную серость. Там явно что-то происходило – из темноты выплывало что-то невнятное, угловатое, раздробленное, разбросанное по волнам. А за этой россыпью на «Викторию» надвигалось что-то внушительное, массивное, неумолимое...

Он в ужасе отшатнулся от иллюминатора – его трясло, зуб на зуб не попадал...

– Нас на скалы несет! Они уже рядом...

– Как мило... – вымолвила блондинка. – И что же делать?

Где-то сверху прозвучал истошный вопль – впередсмотрящий слишком поздно обнаружил, что на пути неуправляемого судна возникла неодолимая преграда. Впрочем, обнаружив он это раньше, что бы изменилось – ведь судно НЕУПРАВЛЯЕМОЕ! Кто-то затопал по верхней палубе, нестройный хор голосов исполнял тоскливую предсмертную песнь. В изысканно обставленной каюте воцарился гвалт. Рыдала в полный голос, утопив лицо в ладони, миниатюрная мать семейства. Муж смотрел на нее с ужасом, не мог поверить – при этом упитанная физиономия поочередно обретала все цвета спектра. Глупо хихикал семейный доктор. Вывал к Всевышнему плешивый Константин Михайлович. Подпрыгнул и с воплем «Нет, не хочу,

пошли вы все на хрен!!!» забился в истерике щуплый Леонид. Натянуто хихикала брюнетка Ева – похоже, все, что она чувствовала в эту минуту, имело прямое отношение к злорадству.

– Папуля, не веришь! – вдруг сказала она. – Но я была почти беременна! И как ты думаешь, от кого? От твоего любезного Адама! Адам и Ева – бывает же такое! Адамчик, ты не против, что я это рассказываю? Все в порядке, мы ведь уже избавились от этого сомнительного счастья!

– Как же меня тошнит от вашей семейки с ее высокими отношениями! – внезапно выкрикнула, сжимая кулачки, блондинка, выкатилась из-под стола и с криком: – Какого хрена я с вами поехала?! Какого хрена я вышла за этого уродца?! – подлетела к железному шкафу, стыдливо спрятанному за шторкой, распахнула его и принялась вышвыривать оттуда покрытые слоем пыли спасательные круги и плавательные жилеты. – Надевайте, идиоты, пока не поздно! Жить надоело?!

Кто-то успевал облачиться, другие мешкали. Удар был страшен и шансов практически не оставлял. Яхта с «победным» названием не успела разбиться о нависающую над морем скалу – все произошло значительно раньше. Морское дно у этого странного побережья, возникшего неведь откуда, было усеяно подводными скалами и коралловыми рифами. На один из этих зубчатых гребней и налетела яхта. Раздался оглушительный треск, днище судна, летящего на скалы со скоростью урагана, пропоролось полностью, по всей длине! Складывался корпус, рушились переборки, пол под ногами вдруг стал куда-то проваливаться! Воцарился хаос. Кричали и метались люди. В каюту ворвались телохранители, бросились выполнять свои прямые обязанности – один метнулся к Александру Наумовичу, другой к его жене. Но вместе с охранниками в каюту вошла большая вода! Хлынул сокрушающий поток, подхватил тела, заглушил крики и стоны, завертелась в водовороте конечности, головы, захлебывающиеся рты, предметы обстановки, и через мгновение уже невозможно было разобраться, где тут что. Теряя фрагменты обшивки, «Виктория» оседала на подводные скалы, вода неудержимо заполняла доступные полости...

28 февраля.

Восточная часть моря Сулавеси, сто пятьдесят миль к югу от места кораблекрушения...

– Человек за бортом! Человек за бортом! – горланил молоденький дневальный на носу потрепанного рыболовецкого вельбота. Капитан – пожилой индонезиец в засаленной куртке на голое тело – оторвался от скрипучего топчана, широко зевнул. Дошло – покрутил головой, выбивая из нее остатки сна, и побрел наружу из пропахшей специфическими ароматами каюты.

Вельбот был приписан к небольшому порту острова Сулавеси и, случалось, уходил на сотню миль от берега – и возвращался, набитый рыбой. Мог вернуться через неделю или через две – зависело от погодных условий. Команда практически не менялась – двенадцать человек из народности мори, хорошо сработавшиеся, отлично знающие друг друга, дружащие семьями. Сезон дождей пошел на спад, последняя буря в этом районе отгремела несколько дней назад, дул освежающий ветерок – погодные условия способствовали работе. Практически вся команда в этот час столпилась по левому борту. Пропотевшие, засаленные, пропахшие треской и ставридой мужики стояли у фальшборта, тыкали пальцами в море и галдели, как воробьи. Бинобль капитану не понадобился – примерно в кабельтове от судна на слабой волне покачивалась резиновая лодка без весел. В лодке, судя по всему, лежал человек. Капитан проорал рулевому, чтобы брал лево на борт. Плечистый мальчик с приплюснутым носом и сигаретой в зубах послушно закрутил штурвал. Вельбот разворачивался и через пару минут подошел вплотную к лодке. Люди перегибались через борт, с любопытством вытягивали шеи. На дне резиновой посуды, раскинув руки, лежал изнуренный обезвоженный мужчина лет сорока – в застегнутой прорезиненной штормовке, расклеившихся бусах. Скуластое лицо покрывала

серебристая щетина. Крючковатый изогнутый нос, сомкнутые тонкие губы, слипшиеся волосы. Глаза его были закрыты. Но человек еще не умер – дрогнули пальцы, вибрация пробежала по плечу, шевельнулись губы. Зашумели члены экипажа рыболовецкого судна – возбужденно загалдели, засуетились. В указаниях не нуждались – люди знали, что делать. Двое спрыгнули в воду, подогнали лодку к юту. Кто-то притащил ржавую лестницу с изогнутыми концами – спустили ее к воде, зацепив за фальшборт. Когда мужчину вытаскивали из лодки, глаза его открылись. Он смотрел на своих спасителей мутным взором, бормотал по-английски слова благодарности, снова уронил голову. Похоже, он провел без воды и пропитания не один день. Когда его перетаскивали через борт, голова безжизненно висела, ноги болтались, как макароны. Его положили на палубу, замусоренную рыбой чешуей, вокруг столпились люди.

– Нечего любоваться, парни, – проворчал капитан, выбрасывая окурки за борт. – Не русалку поймали. Тащите его к Ваньянгу, пусть приводит парня в чувство.

Специального медицинского образования у судового медика не было, но с обязанностями он справлялся, больные не жаловались. Когда выловленный из моря человек очнулся, обшарил пространство тусклым взором, он обнаружил, что лежит на какой-то подгнивающей тумбе – наподобие разделочного стола мясника, и над ним склонился индонезиец средних лет в относительно свежей рубашке под жилеткой и тяжелых очках. Затрапезное помещение в кормовой части судна, облезлая краска на стенах, открытый иллюминатор, не способный подавить пронзительную «компиляцию» запахов – сырой штукатурки, лекарств, рыбой чешуи.

– Где я, Иисусе?.. – Глаза спасенного блуждали, он пытался приподняться.

– Лежите, голубчик, лежите, – проворковал индонезиец, немного знакомый с английским языком. – Вы у друзей, я врач, меня зовут Ваньянг, сейчас мы вас осмотрим, и вы отдохнете – вы слишком истощены. А потом расскажете, что случилось с вами и вашими товарищами, – если, конечно, захотите...

– Хорошо, доктор... – Пришелец из моря откинул голову, начал тяжело и сдавленно дышать. – Только я почти ничего не помню, все мои товарищи погибли...

В каюту просовывались любопытные носы. Лекарь Ваньянг поманил двоих – те вошли, польщенные честью, – а остальных он небрежным жестом спровадил прочь, приказал закрыть дверь.

– Снимите с него одежду, – распорядился медик, отходя к ржавому рукомоюнику.

Он закатал рукава, пустил тонкой струйкой воду. Матросы склонились над мужчиной, один расстегивал отяжелевшую от соли брезентовую куртку, другой расшнуровывал массивные ботсы. Пришлось помучиться, одежда вклеилась в страдальца, не желала сниматься. Матросы пыхтели – раздевать мужчин было не самым благодарным занятием для порядочных семьянинов. Распахнулись полы тяжелой накидки, матрос издал удивленный возглас, увидев то, что было за поясом. А пострадавший вдруг резко распахнул глаза. Они уже не блуждали – смотрели хмуро, строго и принципиально. И не таким уж он оказался больным и обезвоженным. Осталась еще силушка молодецкая! Правая рука сжалась в кулак – расстояние до цели минимальное, не замахнешься, но ему хватило. Он ударил в кадык склонившегося над ним матроса. Кулак перебил трахею, смял аорту. Матрос скончался, не успев сообразить, ПОЧЕМУ? Что он сделал?! Мужчина придергал его за шиворот, чтобы не свалился на него, отбросил в сторону. Привстал второй – безуспешно пытавшийся стащить с «больного» ботинок. Физиономия парнишки вытянулась от изумления. Он получил тяжелой подошвой под нос – и снова без шансов. Отлетел к иллюминатору, всплеснув руками, грохнулся оземь. Кровь хлестала из раздавленных хрящей и раскрошившейся верхней челюсти.

Мужчина привстал, перебрал ноги и спрыгнул с тумбы. Пол держал, хотя и ощутимо покачивался под ногами, сказывалось истощение. Ничего, ему не привыкать, и не такое выдерживал. Имеются вопросы, господа? У матросов не было вопросов – два безжизненных тела валялись в неловких позах. Лекарь Ваньянг обернулся на шум, подслеповато щурился, что-

то шамкал перекосившимся ртом, в котором не хватало половины зубов. Незнакомец выхватил из-за пояса два тяжелых австрийских «глока» – в обойме каждого по восемнадцать патронов. Он был уверен и уравновешен – уж можно быть уравновешенным с двумя-то «глоками»! Небритые щеки перекосила гримаса.

– Прости, приятель, – пробормотал он. – Так уж звезды сошлись, вся ваша братия ни в чем не виновата.

– Не надо, боже, что вы делаете... – залопотал Ваньянг, отступая к стене и закрываясь вымытыми руками. – Прекратите, что вы себе позволяя...

Мужчина выпустил по пуле из каждого пистолета. Грохот наполнил пространство. Пороховые газы шибанули в нос. Медик рухнул как подкошенный – пули раскололи череп, выплеснув содержимое на стену. Зачесался застарелый шрам на правом виске – «древнее» проклятье, когда-то пуля прошла по касательной, он всегда начинал зудеть, когда приходилось нервничать и хотя бы мало-мальски напрягаться. Мужчина положил один из «глоков» на тумбу, отбросил слипшиеся волосы, принялся расчесывать продолговатую припухлость четырьмя ногтями. С этой напастью невозможно сладить, врачи уверяют, что пройдет, и все никак не проходит, так он никогда не станет невозмутимым Буддой...

Распахнулась дверь, на звуки выстрелов явился матрос с кудей серебристой бороденкой. Пикнуть не успел – пуля продырявила грудную клетку, швырнула бедолагу обратно в коридор. Стрелок забрал с тумбы второй «глок», шаткой поступью направился к выходу, глянув по дороге в мутное зеркало – надо же, пока отражается. По узкому проходу кто-то убежал, хватаясь за стены. Он озирался, выл от страха. Мужчина выстрелил, практически не целясь, – бедняга споткнулся в шаге от лестницы, растянулся, кровь потекла из раны в спине. Мужчина ускорился, зашагал по коридору, он не мог тут развлекаться бесконечно, перешагнул через мертвого и вывалился на корму. Приятный ветерок вскружил голову, дышать стало легче, сил прибавилось. Все в порядке, коробка-автомат в голове – «скорости» переключаются по мере необходимости! Капитан рыболовной колымаги трясся в двух шагах от него, пытался передернуть затвор проржавевшего гладкоствольного ружья. Единственное оружие на судне, и тем практически не пользуются – никто не покушается в здешних водах на бедных рыбаков, что с них взять?! Сообразив, что занимается какой-то глупостью, капитан опустил ружье, угрюмо уставился на спаренный ствол, смотрящий ему в грудь. Глубоко вздохнул, мол, ну и дела, за что?! Два выстрела слились в один, капитана отбросило, он покатился по палубе. Разворот на сто восемьдесят, обе «пушки» в небо, дважды пролаяло – и безусый паренек, зависший от страха в корзине на мачте, болтая конечностями, полетел вниз, ударился головой о леер, срикошетил в море и всплыл с разбросанными руками. Вода вокруг него окрасилась кровью. Стрелок развернулся – остатки команды, оглашая пространство испуганными криками, убежали на бак. Ну, просто тир какой-то... Он выпустил несколько пуль, и еще одного несчастного, задирającego пятки выше головы, разорвало свинцом. Мужчина неторопливо побрел по правому борту на бак, не спуская взгляда с рулевой рубки над кособокой надстройкой. Все, кто уцелел, собрались на баке – им просто некуда было податься. Мирные люди, не помышлявшие о сопротивлении. Трое перепуганных матросов – двое молодых, один серьезно в годах – скорчились под фальшбортом, жались друг к дружке и что-то бессвязно лопотали, обливались потом. Стрелок приблизился – они смотрели на него с мольбой, упрашивали на своем «птичьем» языке – не надо стрелять, мистер, не надо... В паре метров от места действия в лебедочном приспособлении крепилась спасательная шлюпка – хватило бы пары минут, чтобы спустить ее на воду. Мужчина скептически покосился на нее, покорябал зудящий шрам. И несчастные уловили его колебание, вернулась надежда, закричали вразнобой, тыча пальцами в шлюпку – мол, они сами ее спустят, они уплывут, они не будут докучать уважаемому мистеру и никому не расскажут, что тут случилось! Мужчина кивнул, отступая на шаг, и матросы заулыбались, раскраснелись, стали суетливо подниматься. Он открыл огонь в упор, нажимая попеременно

на спусковые крючки – обе руки работали одинаково. Пули кромсали орущих моряков, выбивали из них фонтаны крови, и это было приятно – он чувствовал, глядя на эти «танцы», как возвращаются силы. Они тряслись, кричали, и когда он резко оборвал стрельбу, они упали – дружно, словно ждали, когда же он наконец прекратит стрелять.

Несколько мгновений он со спортивным интересом разглядывал неподвижные тела. Потом кивнул, по-армейски четко повернулся и направился к рубке. Остановился, опираясь на поручень. Голова уже кружилась, как колесо обозрения на набережной Темзы, – он ведь не железный! В рубке было тихо, но кто-то там, без сомнения, окопался.

– Эй, дружище, выходи! – хрипло выкрикнул мужчина. – Не убью я тебя, не нужен ты мне! – Помолчал, дожидаясь эффекта, и снова выкрикнул: – Выходи, выходи, не бойся, не шучу! А будешь там сидеть, тогда точно убью! Не зли меня, договорились, дружище?

Ошалевший от страха рулевой о чем-то, видимо, размышлял. Принятое им решение было не самым взвешенным. Скрипнул отодвигаемый засов, отомкнулась дверь, и показался бледный индонезиец в застиранной клетчатой рубашке. Он со страхом смотрел на незнакомца и немного успокоился, обнаружив, что незнакомец встречает его широкой дружелюбной улыбкой.

– Выходи, выходи, не бойся, – повел стволом мужчина. – Звать тебя как, приятель?

– Амхтонг... – разорвал посиневшие губы матрос.

– Хрен выговоришь, – посетовал стрелок, нажимая на спусковой крючок. Отодвинулся, чтобы не придавило падающим с лестницы телом, убедился, что все закончилось, глубоко вздохнул, уставившись на пронзительно-голубое море, пробормотал, цинично ухмыльнувшись: – Что-то я чувствую себя немного нездоровым...

За несколько минут он убедился, что на вельботе не осталось живых существ. Пошатываясь от усталости, поднялся в освободившуюся рубку. Разобраться с примитивными устройствами не составило труда – в Особой Лодочной Службе (подразделении специальных операций Королевского флота) учат и не такому. Двигатель работал на холостом ходу. Он опустил рычаг – и закричал, забился в старческом припадке гребной вал, передавая вращение винту. Вельбот, поскрипывая, начал маневрировать и вскоре развернулся баком на юг. Калоша тихоходная, максимальная скорость двенадцать узлов – и то еще надо постараться, чтобы ее выжать. Ничего, он может не спешить, лишь бы выбраться из этой чертовой дыры...

Он знал, что справится – для того и выжил в этой свистопляске. Только он, Гарри Чаплин, никто другой! Капитан Королевского флота Ее Величества, глава особого тактического подразделения «Special Boat Service», бывалый командо, тертый перец, человек, обладающий колоссальным опытом и интуицией. Или БЫВШИЙ командир особого тактического подразделения? Он ведь, ходят слухи, скончался... Мужчина усмехнулся – тут есть над чем подумать. Калоша начинала разгоняться, он стоял у штурвала и испытывал мучительное желание сесть, а еще лучше лечь, заснуть – тупо отключиться на пару суток, и чтобы никакая тварь тому не препятствовала! Но он держался – из последних сил, слипались и слезились глаза, голова носилась, как разогнавшееся колесо над Темзой. Ноги отнимались, но это чушь собачья, он должен держаться! Подумаешь, немного устал. Он яростно расчесывал отросшими ногтями зудящий шрам – свою верную «лакмусовую бумажку». В голове – примерные координаты: северное побережье острова Сулавеси, сто миль на запад от шумного Манадо, где в заштатном Толучи у него имеются полезные связи. И пусть только старый Юанджун откажет в помощи – должен догадываться, чем чреват отказ подсобить суровым парням из морского спецназа Великобритании! Не дурак этот хитрый лис Юанджун, не откажет – особенно узнав про свои комиссионные, которые, как ни крути, придется выплачивать... События последней сумасшедшей недели вставали перед глазами Гарри Чаплина. Пора прощаться с Королевским флотом – покойники, как правило, в нем не служат! Последняя операция – с привлечением всех связей и возможностей, – и можно на дно (естественно, не океана). И пусть озадаченно чешут затылки коллеги

из Особой Лодочной Службы, пусть тоскуют конкуренты из SAS, не откусившие от чужого пирога, пусть грызут локти умники из МИ-6 – ведь даже не поймут, что на самом деле произошло! Информация была сугубо конфиденциальная – объект идет из Сингапура на «Виктории». Конечный пункт – какой-то островок в Микронезии, плевать какой, никто не собирался вести его на поводке до Микронезии! Плевать, что русские добились экстрадиции, к черту русских, здесь не их юрисдикция! Все должно быть тихо, кулуарно. Объект в неведении, что его ведут со спутника – мимо островов Анамбас, архипелага Бунгуран, вдоль северного побережья острова Калимантан, принадлежащего Малайзии. Береговые службы объект не трогают, у него все куплено. Объект входит в пролив Балабак между Малайзией и Филиппинами, минует архипелаг Сулу. И только в море Сулавеси, где воды Тихого океана перекачиваются в Индийский, к нему приклеивается сверхмалая субмарина «Mark & Mod» с парнями на службе Ее Величества. Раньше не могли приклеиться, база имелась только в Таракане на востоке Калимантана, – и то пришлось вприпрыжку догонять «Викторию». Догнали, фак ее...

События злополучного дня намертво врезались в память. «Мистер Чаплин, сэр... – бормочет Найджел, припадая к окулярам перископа. – Мы можем перебить им винт прямо сейчас, вы только прикажите... Перебиваем, всплываем, и через пять минут вся эта публика – наша. Перегружаем на лодку – и ищи ветра в поле. Чего мы ждем, мистер Чаплин?» Эх, Найджел... Возможно, парень был прав, но он не мог решиться – вблизи архипелага, там люди, там шныряют парусные и моторные суда. И за пять минут – ну, никак не успеть. Только перегрузка содержимого трюма займет не меньше часа. А о том, что перевозит в трюме «Виктория», знает из команды только Гарри, остальные не в курсе, для них существует лишь единственный объект – русский олигарх, мать его... Он тянет время, архипелаг остается позади, до островов Сангihe, тянувшихся поперек моря с севера на юг, уже какие-то сто миль. Подкрадывается темнота. Полный вперед! – субмарина сокращает расстояние, Найджел уже собирается пальнуть торпедой по винту, потирает с довольным видом ладошки – не уйдет этот денежный мешок, не уйдет! А на «Виктории», похоже, проблемы с двигателем – яхта замедляет ход. Буря стартует внезапно. Чертово межсезонье, вроде кончилась зима (или нет?), все такое неустойчивое, непредсказуемое, зыбкое, погода гораздо на внезапные сюрпризы. Встают огромные волны, дует свирепый ветер, «Викторию» куда-то уносит. Субмарина движется за ней – ей приходится идти у самой поверхности, чтобы не потерять объект. А дальше... Ну, полный непрофессионализм, хоть не вспоминай! «Виктория» пропадает из вида, на ней гаснут последние сигнальные огни. Капитан Руперт Харрис – олух царя небесного! – дает приказ на всплытие – перископ уже не актуален. Идиот, ведь могли отсидеться на глубине, переждать шторм, а потом уж отправляться на поиски «Виктории». Субмарина клюет носом, ее швыряет на глубину, а там скалы! Разрушительный удар, пробоина, и смысла нет блокировать отсек, если их всего два, и оба пробиты! Вода наполняет безжизненную субмарину, люди в панике, у Найджела застревает нога в перехлестах труб, он умоляет помочь, но некогда, дружище, прости, да и вряд ли этот Боливар унесет двоих... Он кого-то отталкивает, первым оказывается в спасательной капсуле. Гудит насос, его выбрасывает на поверхность, под задницей надувается резиновая лодка. Он качается на волнах, голова кругом, отплеивается – наглотался соленой воды. Тошнит, рвет – декомпрессии, конечно, не было, да ладно, глубина была не очень большая... Шторм, тучи, дождь, под лодкой расплывается масляное пятно... Просто чудо, что он не перевернулся в этом резиновом корыте. Потеря сознания, пробуждение, волны уже не так страшны, как раньше, гром отдаляется, к внутренней части лодки прикреплен «тревожный» рюкзачок – в помощь терпящим кораблекрушение. Три литра пресной воды, галеты, сушеные фрукты, оружие, набор для оказания первой медицинской помощи. И сто часов – совсем один, над головой распахнутое небо, то ясное, то дождливое, то черное, то голубое... Можно сесть, можно лечь на живот, можно рычать от злости... Содержимое «тревожного рюкзачка» спасло от полного уныния и обезвоживания. Он потрещивал воду мелкими глотками, грыз фрукты, терпеливо ждал своего

часа. И дождался! Когда возникло рыбацье корыто с индонезийскими простофилями, он был уже голым нервом. Но собрался, сыграл роль полутрупа. Не мог он поступить иначе! Прибытие с командой в порт означает общение с береговой охраной, любопытные глаза и уши, а он не может этого себе позволить. Он не потерял еще надежду добраться до содержимого трюма «Виктории». Она затонула, в этом можно не сомневаться – суденышко так себе, со сломанным мотором. Уж если разбуянился Посейдон, то обязательно призовет такую к себе. Но где? Он должен знать координаты – он имеет желание, возможности, он может опередить другие структуры – или он не Гарри Чаплин?! А если учитывать, что с некоторых пор Гарри Чаплина в родной стране считают мертвым...

25 мая, почти три месяца спустя.

Где-то в восточной части моря Сулавеси...

Третий день в раю выдался знойным, ярким и безветренным. На материке в такую жару была бы полная душегубка, но на море, в двух шагах от красивого необитаемого острова, – очень мило и приятно. Одномачтовый шлюп «Гамбринус» – старенькая десятиметровая посудина, оснащенная помимо паруса относительно тихим двигателем, покачивалась на легкой волне в двадцати метрах от разорванной коралловой гряды, на которой бурно скандалили птицы. Парус был спущен, якорь погружен клыком в илистое дно, на судне царили мир и ленивый курортный покой, не нарушаемый НИЧЕМ. Глеб Дымов – 34-летний подтянутый крепыш с «рискованно» короткой стрижкой – промокнул остатки пены полотенцем и перебросил его через плечо. Еще раз покосился в зеркало – неплохо отлитый торс понемногу покрывался золотистым загаром. Он стянул трико, натянул купальные шорты и, как был, с полотенцем на плече, по шаткой деревянной лестнице поднялся на палубу.

А там царил курортная идиллия. Российские туристы предпочитали отдых на собственном транспорте, вдали от официальных туристских зон. Отполированную до блеска палубу заливал солнечный свет. В небе – ослепительная лазурь, в море – сияющая бирюза. Не далее чем в кабельтове – небольшой необитаемый остров. Короткая полоса намывного пляжа с горками губчатых окатышей, изрезанные каменистые бухты, баррикады из сияющих на солнце валунов, густые джунгли, ползущие в гору. Смотреть на это великолепие без защемления сердца было невозможно. Это была не просто идиллия – это была Идиллия с большой буквы! Кусочек Эдема, сказочный рай – недостижимая мечта для среднестатистического жителя средней полосы...

Впрочем, за последние дни все это великолепие уже слегка поднадоело.

Татьяна Соколова в недорогом желто-голубом купальнике сидела в шезлонге и лениво перелистывала рекламный буклет, живописующий красоты Юго-Восточной Азии. Татьяна не так давно отметила тридцатилетие, у нее была прекрасная фигура и роскошные каштановые волосы, которые она имела вредную привычку стягивать в конский хвост (но не сейчас). Одни называли ее симпатичной, другие – нет, лично Глебу Танюша напоминала лошадку – впрочем, симпатичную и обаятельную, даже если по какой-то причине лошадка начинала ржать.

Павел Гурьянов – крепко сбитый субъект с мрачноватым лицом и безжалостным чувством юмора – удил с кормы на спиннинг. Купальные плавки он не любил – фигуру «тяжелого» атлета упрощали мешковатые шорты до колен. Он вытащил блесну, пробормотал что-то о несбывшихся надеждах, забросил ее подальше и начал неторопливо сматывать катушку. Эти двое снова спорили – они всегда только тем и занимались, когда оказывались вдвоем.

– Соколова, ты тундра, – беззлобно ворчал Гурьянов, – «Гамбринус» – это название баскетбольного клуба из чешского города Брно. А еще существует «Гамбринус Лига» – так называют в Чехии чемпионаты профессиональных футбольных клубов.

– Нет, Гурьянов, мне стыдно за твою невежественность, – в том же духе отзывалась Татьяна. – Не знаю, с чего ты это выдумал, но «Гамбринус» – это чешское пиво, названное

по имени сказочного фламандского персонажа, которому приписывают изобретение пивоварения. Ты можешь со мной не спорить, потому что я об этом ЧИТАЛА!

Глеб не стал вмешиваться в интеллектуальный спор, хотя точно знал, что «Гамбринус» – это пивной ресторан в городе Снежинск Челябинской области, куда он однажды ездил в командировку.

Но его заметили.

– Боже мой, – сказала Татьяна, роняя от неожиданности проспект, – солнышко второе засияло. Это что-то новенькое, господи...

– Хорошо побритое старенькое, – проворчал смутившийся Глеб. – Чего и Гурьянову, кстати, желаю.

– Боги античные на землю спускаются, – продолжала издеваться Татьяна. – Скажи, Глеб, ты сам еще не охреневаешь от своей красоты?

– А чего такого? – ревниво проворчал Гурьянов, покосившись на Дымова. – Мужик как мужик. Подумаешь, побрился. А вот для тебя, Татьяна, будет гораздо лучше, если ты станешь загорать топлес. Ну, не для тебя, конечно, – а для нас с Глебом. Хоть какое-то развлечение. Чего тебе стесняться?

– Действительно, – пожал плечами Глеб. – Ты подумай, Татьяна, нормальное предложение.

– У вас, мужиков, одно на уме, – фыркнула Татьяна, поднимая буклет и невольно прикрывая им самое ценное.

– И это замечательно! – чуть не хором воскликнули Гурьянов с Дымовым и засмеялись. При этом Глеб засмеялся доброжелательно, а Павел – злорадно.

– Да идите вы в Тунис, – пробурчала Татьяна, демонстративно поправила чашечки и развернула буклет.

– Блин, я что-то поймал! – ахнул Гурьянов, подсек спиннинг и начал остервенело смазывать катушку. Напряглись даже те, кто не любил рыбалку и ненавидел рыбаков. Изогнулся конец спиннинга, напряглась леска – он явно что-то тащил! Загорелись глаза в извечном рыбацком предвкушении – для иных посильнее оргазма; он принял стойку человека, готового вытащить – ну, хотя бы акулу! Рывок, он вздернул удило, отпрянул на шаг... и над отполированным настилом зависла на крючке маленькая полосатая рыбешка! У нее были большие выпученные глаза в полголовы – сама, похоже, удивилась.

Гурьянов издал стон, исполненный разочарования. Снимать добычу не пришлось, она сама сорвалась с крючка, пошлепала хвостиком по палубе и плюхнулась в воду. Он сплюнул с досады.

– Барракуда, блин, – голосом, исполненным богатого смысла, протянула Татьяна. – Молодец, Гурьянов, продолжай в том же духе. В голодный год ты нас прокормишь. Ну, если еще потренируешься немного.

– В принципе женщина могла бы и промолчать, – процедил сквозь зубы Гурьянов.

– У женщины нет такого принципа, – парировала Татьяна и злорадно захихикала.

Настроение рыбачить у Гурьянова пропало. Он прикрепил к спиннингу блесну, пристроил к борту орудие лова и принялся без дела слоняться по палубе. Приблизился к левому борту, присел на корточки, опасливо перегнулся и глянул в воду.

– Что-то загулял там наш дельфин. Русалку себе нашел или как... Может, помощь ему требуется?

Не дождавшись ответа, он принялся исподлобья разглядывать безымянный остров, с которого доносился разноголосый птичий гам.

– А он точно необитаемый? – засомневался Гурьянов. – А вдруг здесь уже открыли место-рождение демократии?

– Не открыли, – засмеялся Глеб. – В противном случае над ним бы бессмысленно летали самолеты НАТО и все такое. С нефтью в этом районе туговато.

– Ну, не знаю, не знаю... – скептически покачал головой Гурьянов. – А где у нас в этом году проводится чемпионат мира по демократии?

– А хрен его знает, – простодушно пожалла плечами Татьяна. – В прошлом году проводился в Ливии, на следующий год будет в Сирии... Или в этом году будет в Сирии, кто знает? – Она задумчиво стала корябать ногтем шелушащийся нос. – Да ладно вам, мужчины, о чем вы говорите? – внезапно воскликнула Татьяна и сладко потянулась. Мужчины насторожились. – Какая, к черту, демократия, если мы в необитаемом раю? Отпуск кончается, на работу скоро, наслаждайтесь каждым мгновением в этом мире... – Ей надоело сидеть, она поднялась, чтобы размять кости, и мужчины дружно, не сговариваясь, на нее уставились, поскольку посмотреть в Татьяне было на что. – Да ладно вам, – смутилась женщина, – окончательно меня раздеть хотите? Любите смотреть на толстых женщин? Смотрите, смотрите, у меня еще будет время, чтобы изящно и незаметно добавить тройку-другую килограммов...

Грациозно виляя бедрами, она направилась к краю палубы, потрепала за холку надувшегося Гурьянова и собралась нырнуть. Но тут вода в том месте, куда она собралась, внезапно забурлила, побежали круги, и Татьяна, ойкнув, отпрыгнула. Из воды возникало что-то черное, блестящее, угловатое – вынырнуло, образовалась водолазная маска и две шеренги сверкающих зубов. Четвертый член группы – молодой русоволосый Дениска Маревич – шумно вынырнул и схватился за выступ в бортовой обечайке. В другой руке он волок какой-то рваный кусок железа с зазубренными краями.

– Во, блин, и этот какую-то фигню поймал, – прокомментировала Татьяна.

Дениска перекинул «фигню» на палубу, Глеб протянул ему руку, помог вскарабкаться, стал стаскивать с парнишки компактный японский ребризер – изолирующий дыхательный аппарат криогенного типа.

– Спасибо, Глеб Андреевич, – выдохнул Дениска, снимая маску и расстегивая серый гидрокостюм из вспененной резины. – Уф-ф, нагулялся... А вы тут от безделья еще не передрались? – Он с интересом покосился на соблазнительные формы полуобнаженной женщины, и та с картинным драматизмом всплеснула руками – дескать, и он туда же. – А вот здесь уже интереснее, Глеб Андреевич, – отдышавшись, начал повествовать Дениска. – Еще десяток метров туда, – он показал на остров, – и начинаются подводные рифы – для судоходства, прямо скажем, не находка. Два-три метра от поверхности – и уже торчат скалы. «Гамбринус» бы прошел, а вот судно с низкой осадкой – уже проблематично, может зацепить. Красота, я вам скажу, – простодушная Денискина физиономия расплылась от удовольствия, – прям неопиcуемая, хоть не вылезай.

– Ну и не вылезал бы, – проворчал Гурьянов. – Охота любоваться на наши физиономии?

– Долг зовет, – объяснил Дениска, снова покосившись на Татьяну, которая склонилась над шезлонгом и стала придавать ему горизонтальное положение. – Так вот, – продолжал парнишка, – там прямо Марианская впадина, дна не видно, чернота черная. Проплываешь гребень, а сразу за ним начинается резкое понижение. Дыра – и практически до острова. Даже жутковато как-то, – парнишка поежился. – Вроде и земля рядом, а вот надо же как... Интересно мне стало, Глеб Андреевич, осмотрелся, походил кругами – и сунулся в эту яму. Как в склепе, ей-богу. Я не трус, конечно, – он шмыгнул носом, – но как-то неуютно стало, словно смотрит какая-то фигня на тебя из глубины... Опустился метра на четыре, чувствую, хреново мне становится, по ушам бьет, а там еще муть со дна поднимается, не видно ни зги. Фонари нужны – а я налегке пошел, вроде как погулять...

– Отдыхай, турист, – Глеб поощрительно похлопал Дениску по плечу. – Мал ты еще по глубинам ходить. Тут специалисты должны работать. Без обид, да?

– А это что за хрень? – нагнулся Гурьянов над листом искореженного, полусгнившего железа.

– Задний бампер? – предположила Татьяна.

– Со dna принес, – объяснил Дениска.

– Неужели? – удивился Глеб. – А мы и не заметили.

– А вот это тоже интересно, – Дениска сделал таинственную мину. – Эта штука была насажена на один из выступов в скале. Еле отодрал ее, заразу. Не знаю, Глеб Андреевич, может, и появится пища для размышлений, – Дениска лукаво подмигнул. – Мы же ищем следы кораблекрушения, или чего мы тут ищем? Не факт, конечно, мало ли какая хреновина тут навернулась, или из моря принесло, но все равно ведь интересно? Кстати, чуть ниже я другие обломки видел – они в рифы впаялись и уже водорослями обросли, – можно порыскать, вдруг заинтересует?

– И где эта черная дыра, спелеолог ты наш? – спросил Глеб.

– А почти под нами, – осклабился Дениска. – Нырнете – не заблудитесь, Глеб Андреевич. Могу еще раз сбегать, если хотите, вот только отдохну немного. Или сами ныряйте, вы же у нас человек-рыба...

Все четверо сгрудились над куском железа. Холодок предчувствия побежал по позвоночнику. Проржавевшая штуковина, возможно, была фрагментом обшивки носовой части судна. Одна из граней относительно ровная, сохранились заклепочные отверстия. Дышать вдруг стало трудно. Что такое везение и нужно ли с ним бороться... Этого не может быть! Глеб плюхнулся на колени, скинул с плеча полотенце и, не щадя турецкого хлопка, принялся протирать находку. Он отчистил зелень, отскоблил часть ржавчины. Стала проявляться несмываемая краска – когда-то синяя, а сейчас непонятно какая. Белая шелушащаяся полоса, к ней примыкала под острым углом аналогичная – при достатке воображения можно вообразить, что это фрагмент латинской буквы «V». А если развивать воображение, пойти значительно дальше, восстановить в памяти фото «Виктории», вспомнить, что борта ее в верхней части были окрашены синим, а название яхты – белым...

– Послушайте, да ведь это... – сглотнув, выдавила Татьяна.

– В рот мне ноги... – потрясенно вымолвил Гурьянов.

И тут тропическую идиллию раскололо рычание мотора!

Из-за северного мыса, где на краю обрыва обосновалась пальмовая рощица, вынырнул быстроходный катер, сделал вираж, красиво погнав волну, и с ревом устремился к «Гамбринусу»! Люди застыли в изумлении – не ожидали вдали от цивилизации столкнуться с таким – да еще столь напористым! Реальнее столкнуться с марсианами на Красной площади! А судно быстро сокращало расстояние, красиво разрезая воду. На палубе толпились вооруженные люди! Вылитые разбойники с большой дороги! Косматые, разношерстные, кто в чем – в пестром, кричащем, безвкусном. Они орали, махали руками, тыкали стволами автоматов в сторону «Гамбринуса». Россияне онемели. Совершать какие-то действия, видимо, было бессмысленно – на открытой палубе они являлись идеальными мишенями. А катер уже преодолел половину дистанции – он мчался на таран! Распахнулись луженые глотки, донесся дружный ржач.

– Ой, мамочка, что-то мне не того... – пролепетал Дениска. – А чего они, мы же просто отдыхаем...

– А вы еще спорили со мной, – фыркнул Гурьянов. – Говорили, что остров необитаемый... Блин, это же бандиты!

– Да уж точно не социальные работники... К тому же пьяные, – пробормотала Татьяна и как-то машинально потянулась к цветастому парео, свисающему с ручки шезлонга.

– А кто им запретит? – буркнул Глеб.

– Не двигаться, всем оставаться на местах! – проорал в динамик знаток английского языка.

Татьяна икнула – приступ столбовой болезни, как это своевременно, черт возьми! Она зажмурилась – катер под вопли восторженной публики неся прямо на них! И лишь в последнее мгновение, когда до столкновения оставалось двадцать метров, рулевой вывернул штурвал, и суденышко промчалось вдоль правого борта, едва не коснувшись его, – и Глеб реально ощутил волну перегара из распахнутых, улюлюкающих глоток. Лихачи, сто чертей им в задницу...

Оказавшись за кормой у «Гамбринуса», катер резко сбросил ход, практически встал, но снова затарахтел двигатель, он начал неторопливо и как-то угрожающе разворачиваться по дуге – россияне зачарованно наблюдали за его маневрами – и вскоре снова подошел к правому борту – на этот раз плавно и с достоинством. У судна не было названия – не так давно его затерли и замазали морилкой. Даже номер на борту отсутствовал. Угнанная тачка? – мелькнула глупая мысль. Чувствительный толчок, шлюп трянуло – и два судна превратились в противоположенный катамаран, нацеленный в разные стороны. Патлатый субъект в гавайской рубашке и с раскосыми глазами (явно не местный) перебросил канат, перепрыгнул на шхуну, обмотал его вокруг чугунного кнехта на палубе «Гамбринуса». И полезла на борт шлюпа, улюлюкая и свиристая, поддтая шелупонь...

Оробевшие россияне пятились, прижимались друг к другу плечами. Ситуация складывалась довольно грустная. «Пираты» перебрасывались рваными фразами, посмеивались, окружили четверку со всех сторон, и вскоре стало не только трудно шевелить плечами, но и дышать – от невыносимого амбре из десятка глоток. На них взирали любопытствующие физиономии – азиатские, европейские, бритые, заросшие, рябые, морщинистые, угрюмые, ухмыляющиеся. И каждый из этой компании считал своим долгом ткнуть стволом «калашникова» в живот ближайшего к нему россиянина. Обсуждать в такой ситуации было нечего и что-то предпринимать – глупо. Нескладный здоровяк, заросший черным мехом по самые глаза, отеснил от компании насупившуюся Татьяну и принялся придирчиво ее изучать. Вокруг него тут же образовалась группа интересующихся – каждый норовил не только посмотреть, но и потрогать. Татьяна терпела – но приступ столбовой болезни пошел на спад. Ей было страшно – глаза выдавали все, что творилось на душе.

– Глеб, терпеть будем? – вымолвил свистящим шепотом Гурьянов.

– Придется потерпеть... – глухо отозвался Глеб. – В могилу раньше срока не планируем.

К Татьяне уже тянулись потные ладони, азиат в гавайской рубашке задумчиво теребил завязку ее купальника. Плешивому субъекту, погрузившему компенсатор «калашникова» в живот Глебу, чем-то не понравилась мина визави – он передернул затвор, резко бросил «Пах!» и засмеялся. Глеб, признаться, вздрогнул. Не хотелось раньше времени задумываться о генезисе явления, он лихорадочно перебирал варианты, не находя даже условно приемлемого. Как ни крути, будут потери...

В этот момент на «безымянном» катере громко хлопнули в ладоши, и ослабли клещи, сжимающие «отдыхающих». Отступила публика с автоматами. Джентльмен из Страны восходящего солнца с сожалением отпустил бретельку на Татьяне и отодвинулся, выразительно показав глазами, что еще вернется и закончит начатое. Татьяна расслабилась и, похоже, задумалась. А из надстройки на катере выбрался спортивно сложенный субъект с европейской физиономией – в джинсах и белой рубашке, постриженный «параллелепипедом», с угловатой челюстью и зоркими насмешливыми глазами. Из оружия он имел лишь кобуру на поясе, к которой предпочитал не прикасаться. Субъект расправил затекшие плечи, хрустнули суставы, он исподлобья глянул на пленников, как-то неопределенно пожевал губами. Смирил Татьяну взглядом потенциального покупателя и решил, что на безрыбье сойдет. Скуластая физиономия озарилась улыбкой мартовского кота. Он перешагнул на борт «Гамбринуса», покосился на лестницу, ведущую на нижнюю палубу. Затем он выслушал доклад подчинен-

ного, который уже пробежался по судну и спешил известить, что «лишних» нет, внизу ничего интересного, кроме тройки криогенных ребризеров в полной комплектации и нескольких единиц водолазного снаряжения. Мужчина кивнул, состроил уважительную гримасу, нагнулся над куском изодранного железа, внимательно осмотрел его и тоже проникся интригой. В пытливых глазах зажегся голубой огонек. Он с любопытством уставился на «задержанных», еще раз покосился на железо, поднялся и начал приближаться танцующей «лунной» походкой Майкла Джексона. Подмигнул затосковавшей Татьяне, смерил колким взглядом Глеба, поняв по наитию, что он тут за старшего. Пестрая публика заткнулась – похоже, этот тип в «джентльменской» среде пользовался беспрекословным авторитетом.

Внешность Глеба субъекту не понравилась, он насупился, мельком глянул на Гурьянова, как-то отрешенно потрогал еще не просохший гидрокостюм на Дениске. И когда молчание стало уж совсем неприличным, соизволил открыть рот.

– Добрый день, господа, – произнес он достаточно вежливо. – Позвольте полюбопытствовать, с кем имеем удовольствие и что вы тут делаете? Полагаю, кто-нибудь из вас понимает по-английски?

Понимали в принципе все, но сносно изъясняться мог только Глеб – остальных к гуманитарным наукам не очень тянуло.

– Послушайте, уважаемый, – забормотал Глеб, решив для начала прикинуться паинькой. – Я не знаю, что вы подумали, но разве воды у этого острова являются чьей-то частной собственностью – мы не видели никаких предупреждающих знаков. Простите, если это так, мы немедленно уйдем... вы так нас испугали...

– Ответ неудачный, – решительно мотнул головой субъект, и автоматчики вразной захихикали. – С кем имеем удовольствие, и что вы тут делаете?

– Мы просто ныряем... – забормотал Глеб. – Мы увлекаемся дайвингом, подводной охотой, занимаемся исследованием морского дна... Мы туристы из Украины, из Днепропетровска, у нас туристические визы, паспорта, все законно, мы ничего не нарушаем, вы можете посмотреть наши документы...

– О, це ж не вмерла Украина... – гоготнул русоволосый бородач с бельмом на правом глазу. – Далече же вы, братеньки и дивчины, забрались! Днепропетровские, говоришь? А мы вот из Немирова, последним, так сказать, вечерним дилижансом... – и заткнулся, кашлянул в кулак, перехватив раздраженный взгляд начальства. Главарь не стал задавать дополнительных вопросов, он умел делать выводы из увиденного и услышанного. Он хищно оскалился, пожевал губами, как бы придавая глубокомысленную весомость тому, что собирался сказать.

– Ну, что ж, господа, мне очень жаль, что вы оказались именно в этом месте в это время. Будем считать, что вам просто не повезло. Не возражаете примкнуть к нашей гостеприимной компании и приятно провести время?

– Почему-то мне кажется, что это был не вопрос... – пробормотала в нос Татьяна.

Но субъект услышал. Он повернулся, заинтересованный нотками ее голоса, подошел поближе, вытянул шею и уставился на нее с таким плотоядным интересом, что плечи у Татьяны покрылись гусиной кожей. Оживились морские разбойники, а когда субъект коснулся пальцами ее подбородка и начал поглаживать по сморщившейся от брезгливости мордашке, люди расслабились, стали выдавать скабрзные замечания (в духе – правильно, босс, и нам оставь кусочек). Эпицентр внимания добропорядочной публики сместился к женщине в купальнике и ее эффектному кавалеру. Не воспользоваться ситуацией было просто неприлично – когда еще удастся?

– Сто к одному, Глеб, что нас на волю не отпустят... – шепнул Гурьянов. – Допросят, бритвой по горлу – и в колодец... Еще постоим? А потом локти покусаем?

– Ох, ссыкотно мне что-то, мужики... – пробормотал зеленеющий Дениска Маревич.

– Да уйди от меня, прилипала! – взвизгнула Татьяна, сбрасывая с груди чужую загребушую лапу. Субъект обиделся, «пираты» возмущенно зароптали – что за неуважение к порядочным людям?

– Поехали, – выдохнул Глеб. – Порвем, товарищи офицеры, эту грелку на британский флаг...

Разгоряченной алкоголем публике сегодня крупно не повезло. Кучка «испуганных украинских туристов» самым чудесным образом трансформировалась в подразделение морского спецназа Российской Федерации. И заработала, завертелась, затрещала мясорубка! Татьяна первой обрушила удар – терпения уже не хватало этой доброй женщине! Кулачок, развернувшись в воздухе на девяносто градусов, вонзился в пузо «ухажера», пробил до желудка, невзирая на мускулы, «кубики» и все такое прочее, швырнул изрыгающего рвоту главаря на палубу. Забилась зубодробильная машина. Били по всему, что шевелилось, – мишеней было так много, что промахнуться невозможно! По глазам, испускающим молнии, по распахнутым искаженным пастьям, по почкам, по селезенкам – ну, ни разу не жалко! Толпа пришла в замешательство, члены шайки не сразу разобрались, а когда прониклись ситуацией, трое претендентов на инвалидность уже валялись на палубе и корчились от боли. Сверкнула изящная пяточка – и Татьяна чуть не порвала свои миниатюрные трусики, но с треском раздавила грудину возжелавшего ее японца. Дениска рухнул на «мягкую» точку, махнул ногой, делая подсечку, добил локтем упавшего. Подпрыгнув, ушел из-под приклада, ударил в причинное место – да так энергично, что мигом отвалилась вся «причина»! Гурьянов схватил за шиворот одного, схватил другого – хорошенько их встряхнул, столкнул висками, еще и выдал комментарий – про «ушибы мягких тканей головы». Одного отбросил, другого обезоружил, треснул клыком затвора по переносице, выбил опору из-под ног... Глеб бил смачно, напористо, не обращая внимания на боль в костяшках. Кулаком в небритую челюсть, ребром ладони, как топором, разрубил ключицу. А когда возникла в полуметре истерично горляющая, изрытая оспинами рожа и не осталось времени подождать кулак – треснул лбом по носу: бью челом, кулаком добиваю, мистер! «Боже, как просто создать сложности», – с досадой думал он, подавая безжизненное тело точно в угол кормы. Драка перерастала в побоище, все смешалось. Метался какой-то дохляк с автоматом, издавая звуки корабельной сирены – так хотелось пальнуть, но в этом месиве он попал бы в своих, а это его чем-то не устраивало. Хоть на это мозгов хватило! Глеб опомнился – этот тип уже подпрыгивал рядом с ним и его «партнером по бальным танцам», тыкал стволом. Он треснул «партнера» пяткой в подъем стопы, временно выводя за кадр, – и чуть не проиграл, обнаружив пламегаситель у себя в ребре. Ударил по нему, отвел беду, пролаяла очередь – и завопил, хватаясь за простреленный живот, бородатый хохол из Немирова, захаркал кровью. Глеб набросился правым боком, подушкой ладони – по ноздрям, и еще один нетопырь выбыл из игры. А потом и вовсе загнулся в мучениях, когда, завладев автоматом, Глеб провел ему по груди размашистый росчерк. Выстрелы встряхнули толпу. Началась какая-то вакханалия. Одновременно несколько очередей вспороли воздух – действительно, как докажешь потом, кто первым начал? По палубе металась разъяренные кометы, орали, обливались кровью. Дениска кувыркнулся, уходя от пули, подхватил валяющийся нож, швырнул в стрелка, который подпрыгивал у фальшборта, вопил, как глашатай, и косил рваными очередями исключительно своих. Восторженно взвыл:

– Точняк! – Когда клинок вонзился автоматчику в грудь, тот зашатался, как былинка, и картинно сверзился в воду. И покатился дальше, прекрасно зная, что находится в такую «погоду» больше двух секунд на одном месте вредно для здоровья. У Татьяны свистнуло над ухом, она вскричала «Ой!», узрев сместившийся ствол – пуля еще летела, а она уже запрыгивала на борт, качнулась влево-вправо и не удержалась – издала слово, очень похожее на одну из музыкальных нот, и камнем бултыхнулась в воду...

– Ложись! – завопил Глеб и толкнул сидящего на коленях Гурьянова – тот увлекся, мастерски кvasя нос здоровяку славянской внешности. Здоровяк был живучий, как дождевой червь, и норовил выдавить Гурьянову глаза. Гурьянов откатился, пули застучали по палубе, забился в конвульсиях здоровяк славянской наружности, а Глеб уже прицельно бил из десантного «АКСУ», сбивая, словно кегли, двух стрелков, не пожелавших биться вручную. Завертелся вокруг оси – кого еще не обилетили? Патлатый дикареньш, шипя, как утюг, на который плюнули, тянулся к залитому кровью автомату. Пуля расколола лобную кость и навеки успокоила. Еще один недобитый – субъект, командующий «парадом», привстал на локте, издавая горловые шаманские звуки, и уже извлек из кобуры хромированный «вальтер» с золочеными вкраплениями на затворе. «Наградной», – уважительно подумал Глеб, вскидывая автомат. Он обычно не смотрел в глаза людям, которых собирался убить (ведь снятся же, черти, ох как снятся), но тут не удержался – субъект тарасился со злостью, запоминал, дескать, приду за тобой даже там, ты уж не затягивай с переездом... Откинулся затылком и испустил дух. Очередь пролаяла над ухом – Гурьянов добивал раненых (и впрямь, куда их). Дениска стегнул где-то справа, но, видно, мало оказалось – добавил длинно и сердито и молотил, пока не превратил рубку катера в решето, и рулевой за стеклом не получил свою заслуженную пулю...

Усердно молясь за здоровье коллег, Глеб перепрыгнул на соседнее судно, рванул, отпрыгнув, дверь, ведущую в трюм, и подивился, как все гладко сложилось – из машинного отделения вывалился некто чумазый, бородатый, смуглый, с ножом, зажатым в правой руке! Родным повеяло! И здесь пришельцы с кавказских гор! – поразился Глеб. Боже, как хорошо, где их нет! А где их, интересно, нет? Только там, где живут олневоды? Он пинком выбил нож, но этот рычащий и матерящийся зверь уже навалился на него, вцепился когтями, рычал на языке своих «осин» – Глеб на минутку растерялся, и кабы Дениска, десантируясь на катер, не всадил в гордого абрека пулю, пришлось бы покататься по палубе.

– Спасибо, Дениска... – прохрипел Глеб, стряхивая с себя умирающего. – С меня причитается, приятель...

– Я запомню, товарищ майор, – расхохотался парнишка, поднимая какой-то диковинный изогнутый нож. – О премии похлопочете, добро?... Слушайте, Глеб Андреевич, – он как-то озадаченно покорябал рукояткой затылок, – а вам не показалось странным, что, умирая, этот янычар матерился практически по-русски?

Стремительный облет захваченного судна – рубка, палуба, закуток машинного отделения. А когда убедились, что все закончено... какое-то отупение навалилось, шатались по палубам, как лунатики, очумело тарасились друг на друга. Дениска с блуждающим взглядом вывалился из каюты, в одной руке он тащил автомат, в другой две бутылки пива.

– Представляете, Глеб Андреевич, они тут пивасиком разминаются в промышленных масштабах, – поведал он как-то с обидой, демонстрируя бутылки. – Смешно, да – грязные ублюдки потребляют пиво под названием «Грязный ублюдок»? Ведь «Dirty Bastard» – это «Грязный ублюдок», правильно?

– Никакого алкоголя, товарищи офицеры, – бухнул Глеб, яростно расчесывая лоб – вроде как массируя.

– Разумеется, Глеб Андреевич, – согласился Дениска, протягивая командиру одну из реквизированных емкостей. – Держите. Холодненькая...

– Спасибо, – Глеб сорвал крышку, жадно присосался к горлышку. Приятная жидкость заструилась по каналам, дразня вкусовые рецепторы. Он жадно вылакал полбутылки, отдышался.

– Эй, эгоисты, мне оставьте, – обиженно забурчал с «Гамбринуса» Гурьянов.

– Иди и сам возьми, – отрезал Дениска. – Там этого добра больше, чем трупов у нас на палубе.

– Между прочим, баба с воза – бабе очень больно, – пожаловалась мокрая Татьяна, выбираясь из воды на борт захваченного судна. – Вы даже не представляете, эгоисты, как это больно... И ведь ни одного джентльмена, никто не поможет, пиво им дороже... – Отдуваясь, она взгромоздилась на колени, поднялась, и на нее устремились изумленные взоры присутствующих.

– Татьяна Васильевна, даже не знаем, как вам сказать... – Дениска запнулся и потупился. – Возможно, вы не в курсе, мы должны вас об этом немедленно известить... В общем, неприятно об этом говорить...

– Но ты, Танюха, где-то посеяла верхушку от купальника, – закончил за товарища Гурьянов и пошленько загоготал.

Татьяна изумленно выставилась на собственную грудь, издала истошный вопль, закрыв ладошками свое немеркнувшее достояние, и камнем рухнула обратно в воду!

– Поздно, Татьяна Васильевна! – крикнул Дениска и чокнулся с Глебом бутылкой. – Мы все уже увидели!

– Бесстыдники! – стонала «обесчещенная» женщина из моря. – Совести у вас нет! А ну принесите мне немедленно полотенце!

Как-то долго спецназовцы отходили от шока. Влипнуть в такую заварушку, переделать массу народу, выжить, не получив ни царапины... на это как-то не рассчитывали. «Вот и завершили силовую фазу операции», – тупо думал Глеб.

– Мужики, а чего это было, а? – бормотал Дениска, озирая заваленную телами палубу. Убитых было не меньше дюжины, еще двое покачивались на волне, уплывая в открытое море.

– До чего же противные рожи, – морщилась Татьяна, кутаясь в полотенце – ее немного знобило. – Аборигены, что ли?

– Ага, аборигены, – фыркнул Глеб, – сплошные Бори и Гены.

– Сильвупле, блин, – вздыхал Гурьянов, собирая оружие с боеприпасами. – Спрятались, называется, от унылого однообразия серых будней. Ну, до чего же интересно получилось, черт возьми...

– Релакс удался на славу, – вторил ему Дениска, до которого начинало доходить, что они натворили. – Ладно, – передернул он плечами, – не корову, в конце концов, проиграли...

– Никогда бы не подумала, что мы служим гуманистическим идеалам, – язвительно заметила Татьяна. – Сокращаем население планеты, Глеб Андреевич?

– Причем не самую благочестивую его часть, – передразнил Глеб. Он должен был расшевелить свое тормозящее воинство – нельзя им торчать на открытом месте. – Все в порядке, товарищи офицеры, работать мы пока еще умеем. Работаем, правда, через задницу, но в принципе профессионально. С трудностями справляемся. Кстати, должен объявить – временные трудности, судя по всему, заканчиваются, начинаются трудности постоянные, в чем и состоят, собственно, премудрости нашей профессии. И что стоим с отсутствующим видом, словно мы тут ни при чем? – разозлился он. – А ну за работу, бездельники! Будем ждать, пока нас всех тут накроет второй волной?

Ахнули – чего же мы расслабились? Засуетились, забегали. Всю гору оружия – автоматы Калашникова, несколько автоматических винтовок «М-16», пистолеты, боеприпасы, несколько гранат, ножи – спустили в каюту «Гамбринуса». Рачительный Дениска волок какую-то провизию в консервных банках и вакуумных упаковках, бутылки с водой и пивом, ворчал, что надоели уже эти ежедневные макароны по-флотски – морепродукты, блин. А бананы с камбуза он забирать не будет – они выглядят какими-то уставшими. Перетаскивали мертвые тела на катер – за ноги, особо не заморачиваясь уважительным отношением к покойникам, сбрасывали их в машинное отделение, а люк впоследствии тщательно заперли – чтобы не всплыло ничего «компрометирующего». Гнаться за уплывающими в море телами не стали, махнули рукой – авось уплывут, не заметят. Гурьянов отвязывал швартовый трос от кнехта, остальные

бросились в трюм – изыскивать ручной привод кингстона. Нашли – «тарельчатый клапан коромыслового типа», – сумничал Дениска, разворотили проржавевшую конструкцию, и потекла в судно забортная вода...

Дружно переметнулись на «Гамбринус», Дениска бросился запускать двигатель, остальные стояли на палубе и смотрели, как медленно погружается в море безымянный катер, набитый мертвыми телами. Скрылись иллюминаторы, судно накренилось на корму, вода захлестывала ют, палубу с люком, жадно облизывала надстройку, покрытую потеками ржавчины. Корпус «Гамбринуса» начинал подрагивать, заработал гребной винт, шхуна разворачивалась, нацеливаясь брусом бушприта на юго-западную оконечность острова. А от катера на поверхности осталась лишь рубка, она стремительно уходила, бурлила вода, закручиваясь в водоворот...

– Хороним в океане, как Бен Ладена, блин, – фыркнул Гурьянов.

– Пока, пока, – цинично помахала утопленнику Татьяна, – командир и экипаж прощаются с вами...

«Гамбринус» бороздил прибрежные воды, уходя под защиту громоздких скал на южной оконечности острова. Пока им крупно фартило – «вторая волна» не объявлялась. Очевидно, основные силы «пиратов» концентрировались где-то в отдалении, и причудливая местная акустика глушила звуки выстрелов. Катер – первая ласточка, патруль. В наличии же основных сил Глеб не сомневался – во-первых, интуиция, во-вторых, богатый опыт. Если уж намечено крупное мероприятие, то без конкурентов не обойтись. Его предупреждали, что возможны происки со стороны. Не могло это наспех обученное, едва знакомое с дисциплиной воинство возникнуть просто так – вдали от судоходных путей, у берегов никому не нужного необитаемого острова. А остров, судя по всему, не такой уж маленький – какая бы ни была здесь акустика, а не услышать такую пальбу...

С чего он взял, что на юге будет безопасно? По бесхитростной причине, что судно с морскими разбойниками появилось с севера? Глупее не придумаешь, но какие альтернативы? Бросать это глупое занятие и уходить на базу, даже не попробовав переломить ситуацию? Через несколько минут «Гамбринус» уже обогнул величественную скалу-небоскреб, торчащую из моря, как назидательный перст, и вплотную приблизился к берегу. Увешанные оружием спецназовцы залегли за фальшбортом, напряженно всматривались в окружающие реалии. Рельеф береговой полосы был предельно изрезан, при желании здесь можно было спрятать целую дивизию ВДВ – вместе с боевой техникой и женами офицерского состава. Береговую полосу формировала вереница извилистых, загроможденных камнями, заросших диковатой растительностью бухт. Многие из них имели естественную природную маскировку – с моря они не просматривались, их заслоняли каменные островки, гребни коралловых рифов, возвышающиеся над водой, баррикады отполированных валунов. Все это было непривычно, необычно и красиво – ничего подобного Глеб не встречал ни в Мексике, ни в Скандинавии, ни в других странах, «осмотренных» им по долгу службы. «Гамбринус» медленно шел между разбросанными по воде островками-«спутниками», огибал неровности береговой линии. Охапки жухлой травы, кустарники цеплялись за борт, выворачивались с корнем. Над головой громоздились каменные крути – ломаные, расколотые, испещренные провалами и трещинами. Издалека доносился птичий гам – до джунглей здесь было рукой подать.

Подходящая бухта – вполне пригодная для пристройки шлюпа на долгое хранение – открылась внезапно. Обнаружить с моря ее было невозможно. Извилистый проход между скалами, вход в лагуну загромождали груды камней – невероятно живописные, причудливые. Между ними открылся узкий проем, порядка пяти метров, куда теоретически мог протиснуться «Гамбринус».

– Тормози, Дениска, – распорядился Глеб. – Разворачивайся в эту щель.

– Опасно, товарищ майор, – возразил Дениска, глуша мотор. – Что там, в бухте, мы не знаем. А вдруг это щель в никуда? Сядем на мель, пробьем днище – полный улет тогда

будет. Вы бы сходили десантом, осмотрели сверху этот заливчик, а потом скоординировали бы меня...

В словах молодого офицера прослушивалась истина. Рисковать транспортом было не дело – рай, из которого нельзя выйти, превращается в ад. Татьяна прыгнула первой, поплыла, отфыркиваясь, к берегу. Спецназовцы увлеченно смотрели, как гибкая фигурка в закрытом целомудренном купальнике (переделась по случаю) выбирается на камень, карабкается, проклиная тяжелую бабью долю, на какую-то сомнительную наклонную плоскость. Присела на корточки, опасно покосилась на нависшую над головой кустистую растительность. Ойкнула, хлопнула себя по плечу и как-то недоверчиво воззрилась на размазанную по телу живность.

– Первая кровь пролилась, – усмехнулся Дениска.

За Татьяной поплыл Гурьянов, взобрался на граненый «камушек». Эффектной высадки не получилось – он встал раньше времени в полный рост и замер, озадаченно выставившись на Татьяну.

– На жвачку наступил? – посочувствовала Соколова, протягивая руку. – Ты можешь довериться мне, малыш, иди же сюда.

На скользком камне количество культурных людей резко сокращается. Гурьянов взмахнул руками, засеменял по скользкой поверхности, вспоминая любимые с детства словесные обороты, оттолкнулся, чтобы не размозжить голову, и погрузился в воду. Вынырнул какой-то обиженный, стал отфыркиваться.

– Гы-гы, – сказала Татьяна, – мальчик очень любил плавать, но так ни разу и не утонул. Попытка номер два, Павел Валерьянович, – давай же, не подведи... – и тут в камнях неподалеку от Татьяны что-то заворошилось, заблестело в солнечных лучах – она испуганно охнула. Никто не знает, что у женщин происходит в голове в такие минуты – она оттолкнулась обеими ногами и «солдатином» бухнулась в воду – почти на голову Гурьянову!

– Соколова, мать твою! – взвыл Гурьянов, выплевывая воду.

Татьяна вынырнула с широко открытыми глазами.

– О боже... там этот... рожденный ползать...

Змея сама, похоже, испугалась. Распрямилась гибкая лента, усеянная перламутровыми блестками, блеснули бусинки глаз, и приличных размеров гадина, извиваясь и шурша, удалась в расщелину.

– Ну, пипец, товарищи офицеры, – донесся из рулевого закутка злорадный голос Дениски. – И это гордость и краса Российского военно-морского флота? Татьяна Васильевна, Павел Валерьянович, вам не пора на пенсию? Или к позорному столбу?

– Кстати, товарищи офицеры, – предупредил, подавляя хохот, Глеб, – если кто-то полагает, что все это закончится корпоративом, то он ошибается. Вперед, пловцы, чего шипим на старшего по званию? Танцуют все, на вас внимательно смотрят...

С горем пополам морские разведчики заняли «плацдарм» на вражеской территории. Они карабкались по камням, обрамляющим бухту, и вскоре оседлали господствующую высоту. Гурьянов махнул, давая «зеленый сигнал светофора». Дениска для порядка поворчал, что меньше всего на свете доверяет зеленому сигналу светофора, и на медленном ходу начал протаскивать судно в бухту. Глубина здесь была порядочная, подводные препятствия, чреватые для судна, сверху не просматривались. Дважды Дениска шкрябал бортом о камень, ругал себя за нехватку мастерства, но ничего фатального не случилось. Исчезло море за изгибом залива, сомкнулись над головой замысловато перепутанные кроны деревьев.

– Суши весла, – буркнул Глеб, – хватит.

– Бухта разрушенных надежд, вот мы и дома, – сообщила сверху Татьяна. Она сидела на краю скалы и беззаботно болтала розовыми пятками.

– Тесно тут, – посетовал Дениска, выбираясь на палубу и сладко потягиваясь.

– Разве это тесно? – фыркнул Гурьянов, спрыгивая с уступа на судно. – Вот в «хрущевке» на тридцать метров – с тещей и ипотекой – это действительно тесно.

– Не расслабляться, – предупредил Глеб. – Всем одеться согласно обстановке и как следует экипироваться. Выдвигаемся через четверть часа – пешим образом, в колонну по восемь. Надеюсь, у вас нет каких-то особенных планов на вечер?

Он познакомился со своими подчиненными лишь несколько дней назад. Собрал их всех вместе в кафе на проспекте Адмирала Нахимова в Севастополе, где базировался его 102-й Отряд борьбы с подводными диверсионными силами и средствами, придирчиво наблюдал за ребятами, составлял психологические портреты. В профессиональных навыках боевых пловцов, собранных с миру по нитке, сомневаться не приходилось – начальство уверяло, что профи тертые, да и сам он убедился на тренировках. Даже у безусого Дениса Маревича – богатый послужной список, отличные данные и перспективы. Ребята общительные, коммуникативные, слышали про дисциплину и приказы вышестоящего начальства. Капитана Гурьянова перевели из Мурманска, капитана Соколову и старшего лейтенанта Маревича командировали с Тихоокеанского флота – специально для выполнения ответственного правительственного задания. Рассчитывать на силы 102-го отряда уже не приходилось – Черноморский флот трясло и лихорадило, росла текучка, закрывались целые отделы и подразделения, и московское начальство почему-то решило, что команда должна быть сборной – пусть бойцы и не знакомы между собой (это исправимо), главное, чтобы были отличные специалисты. Больше всего на свете Глеб ненавидел работать с незнакомцами, но, сойдясь с ребятами, успокоился – притирка проходила легко и непринужденно. Через неделю ему казалось, что он знает эту компанию целую вечность. То замкнутые, нелюдимые, то шуты гороховые (в рамках, впрочем, дозволенного). У Гурьянова имелась семья в далеком северном Чудове, о которой он рассказывать не любил, у Маревича – мама, папа и «вечная» невеста еще со школы в приморском Артеме – он постоянно показывал фотографию и жаловался, что жениться неохота, а бросить страшно (или наоборот), и вся жизнь из-за этого кувырком. У Татьяны Соколовой имелось три старших брата, и этим многое было сказано – и про образ жизни, и про умение за себя постоять, и про отчаянные попытки из последних сил выглядеть обаятельной и привлекательной и обрести хоть подобие личной жизни.

Под Новый год Глебу Дымову присвоили майора морской пехоты – раньше срока, но он не стал обижаться. Попутно – серенькую медаль и почетную грамоту – за заслуги перед Отчиной. Причина щедрости не уточнялась, но в принципе он понял: за операцию в Мексике – тяжелую, муторную, насыщенную препятствиями, неудачами и большими потерями. Все, кто выжил в той карибской мясорубке, несколько месяцев валялись по госпиталям. Мишка Черкасов отбыл на гражданку – не нашлось его простреленной ноге применения в «обновляющихся» структурах Черноморского флота. Люба Ворошенко со слезами на глазах перевелась на «бумажную работу», и пробитая пулей почка, похоже, не сильно возражала. Интрижка с Машей Кургановой была какой-то скоротечной и нелогичной, хотя по-своему жаркой и пронзительной. Глеб опять убедился – невозможно дважды понять одну и ту же женщину. Нелогичные причины, почему они не могут быть вместе, надуманные предлоги для расставания. Кончилось тем, что у Маши умерла в Тамбове мама, она уволилась со службы и отбыла на историческую родину на веки вечные – воспитывать в одиночку семилетнюю дочь. Глеб залечил простреленное плечо, продолжал тянуть лямку...

Примерно декаду назад произошла знаменательная встреча с непосредственным начальством. Григорий Ильич Бекшанский, капитан первого ранга, верный друг и наставник, выглядел озадаченным и каким-то неуверенным.

– Я помню, Глеб, твоя задница обожает приключения в южных морях, и это задание исключительно для нее, – в своей неподражаемой манере заявил начальник и наставник.

И начал излагать какую-то нелепую историю, в которой невероятного было гораздо больше, чем вероятного.

– Ой, не смешите меня, Григорий Ильич, – сказал Дымов. – Три слона из одной мухи? Вы считаете это правдоподобным?

– А правда и не обязана выглядеть правдоподобно, – отрезал шеф. – В общем, слушай дальше увлекательную историю о мальчике из бедной еврейской семьи и как ему утерли нос наши победоносные дипломатические структуры и доблестные внешние органы...

Под «внешними» органами Григорий Ильич понимал Службу внешней разведки, которая в данном случае действительно сработала четко. «Мальчика из бедной еврейской семьи» звали Александром Наумовичем Карениным. «Мальчику» было 57 лет от роду, и работал он преуспевающим, хотя и мало почитаемым отечественными госструктурами олигархом. Поначалу все было нормально, Александра Наумовича в стране уважали и ценили. Владелец крупного медиахолдинга, парочки центральных телеканалов, энергичный бизнесмен со свежим взглядом на бизнес и на события, происходящие в стране. Он процветал и богател – обзаводился яхтами, виллами, замками и целыми городами. Но грянули черные для олигархов времена, господин Каренин не смог перестроиться и загремел под несколько уголовных дел, в которых проходил главным действующим лицом и исполнителем. Учитывая то, что олигарх был тесно связан с криминальными структурами, обвинения не выглядели надуманными. Допустив промашку, Александр Наумович решил не допускать вторую и разработал четкий наполеоновский план – валить из России. В гостях, как говорится, хорошо, а дома ищут. Бегство состоялось успешно. Он окопался в Швейцарии, власти коей приняли его с распростертыми объятиями, а потом тянули из него со смущенным видом «спонсорскую помощь» на разного рода социальные программы. И олигарха, и власти это устраивало. Империя Александра Наумовича жила и здравствовала. Так продолжалось долгих восемь лет. У господина Каренина выросли дети, он женил старшего сына Леонида, обустроивал «скромный» замок на берегу Женевского озера. Испытывал традиционные для своей прослойки финансовые проблемы – не знал, куда деть деньги. Обрюзг, расслабился, подобрел. Как метко выразился Григорий Ильич Бекшанский, «новые русские превращаются в старых евреев».

И вот уже в новейшее время над Александром Наумовичем сгустились тучи. Дипломатические структуры и СВР сработали четко – и в один февральский день швейцарские власти под нажимом российских коллег согласились депортировать Александра Наумовича обратно на родину! Случай уникальный в современной российской истории – когда удалось добиться экстрадиции столь влиятельной персоны! Так уж получилось. Но «контрразведка» у олигарха не дремала, он заранее подготовился, и вот однажды – буквально за день до торжественной высылки на родину – Александр Наумович сбежал из своего замка. Ну, не хотелось господину Каренину осваивать профессию швей-мотористки. Операция была уникальной, поскольку вместе с олигархом пропали жена, дочь, сын с женой, охранники и несколько доверенных лиц, включая семейного врача. Агенты швейцарских спецслужб впали в ступор, Россия разозлилась и заскрипела зубами, стала инкриминировать швейцарским властям то, чего они не делали. А в это время олигарх переходил границу. И срочно делал ноги окольными путями – вместе с родными и близкими. Он всплыл в Сингапуре (об этом тоже узнали поздно), где в одном из банков хранил свои несметные сокровища. Понимая, что счета арестуют, он заблаговременно конвертировал часть своих активов в золото. В натуральное чистопородное золото в стандартных заводских слитках – прошедшее аффинаж, пробирование, клеймение и, таким образом, поступившее в легальный оборот. Причем этого золота было столько, что пришлось нанимать грузовичок, чтобы в режиме секретности перевезти его в порт. Очевидно, Александру Наумовичу (за достойное вознаграждение) помогали не только те, кто отправился с ним в глушь и забвение, но и некоторые другие законспирированные лица. Он нанимает яхту, в трюм грузится золото на многие миллионы долларов, в каюты – «святое семейство»,

и «Виктория» отправляется в путь. Конечный пункт – один из крошечных островков в Микронезии, где у олигарха имеется собственный домик и все необходимое для безбедной жизни. Команда про золото, разумеется, не в курсе. Сначала ложный маневр – каботажное плавание вдоль Суматры, «Виктория» огибает архипелаг Линга, делает маневр на северо-восток, проходит между островом Калимантан и архипелагом Анамбас и вторгается в Южно-Китайское море. Далее море Сулу, море Сулавеси... Олигарх ничего не боится, у него все куплено – и береговые охраны Индонезии и Малайзии, и спецслужбы отдельных государств. Не подмасленными остаются лишь силы природы... Похоже, на яхте выходит из строя двигатель, и капитан не успевает увести до шторма судно под защиту одного из попутных островов. Стихия находит «Викторию» в открытом море. Судно треплет, двигатель не работает, приборы навигации выходят из строя. Яхту уносит шторм – в неведомые дали. Радист успевает отправить сигнал бедствия, по нему впоследствии и вычислят это место. Что случилось на судне, куда его унесло потом? Были ли выжившие? На какой глубине оно затонуло и затонуло ли вообще? Российские спецслужбы за олигархом не следили – они понятия не имели, что тот бежал через Сингапур! Наблюдали, похоже, англичане из МИ-6 и других уважаемых королевских ведомств, но и им не повезло. Потеряли олигарха, понесли потери.

Проходят долгие месяцы, пока российские спецслужбы получают требуемую информацию, связывают воедино все известные факты и определяют примерные координаты бедствия – в том числе с привлечением компьютерных технологий и моделирования параметров того самого шторма. Участок моря западнее архипелага Сангихе, примерно сто двадцать морских миль севернее острова Сулавеси – аналитики и опытные специалисты были уверены, что судно разбилось именно здесь – на участке морской акватории в несколько десятков квадратных километров. Слово «разбилось» означает именно то, что оно означает – судно разбилось о камни и затонуло. То есть вынесло его к острову. Сотовая связь в данном районе не работает. Но у капитана Джанджина имелся спутниковый телефон, и, как впоследствии выяснилось (опять же с досадным опозданием), за несколько мгновений до столкновения он позвонил родным домой: был испуган, потрясен, кричал жалобным голосом, что судно несется на камни, и умолял жену передать брату, чтобы тот немедленно обратился в страховую компанию (стихийное бедствие – событие страховое), в противном случае его многолетней семье придется пожизненно выплачивать стоимость яхты. В означенном квадрате были лишь два острова – на расстоянии четырех морских миль. Стало быть, пища для размышлений имелась.

Слишком поздно прояснились подробности, преступно поздно! Живых наверняка не осталось, олигарха потеряли. Но повышенный интерес вызывало золото на энную сумму, лежащее в трюме яхты. Если «Виктория» затонула у острова, то глубина ее залегания должна быть небольшой, и вполне возможно, что драгметаллы на впечатляющую сумму до сих пор валяются бесхозным грузом у безымянного островка. Учитывая масштабы украденного олигархом у собственной страны, это золото принадлежит Российской Федерации и никому другому! И добыть его – не только дело чести, но и первейшая обязанность соответствующих служб и подразделений. А другие соответствующие службы потом решат, как переправить его в страну. А если в дополнение к золоту приложится еще и выживший олигарх, то будет совсем хорошо!

Группа российских спецов под видом увлекающихся дайвингом туристов вылетела в Манилу 17 мая. Из Манилы – в тот же день – в Куала-Лумпур – с заездом на острова Бунгуран; из Куала-Лумпура – в Джакарту... Уже слегка укачивало, но маршрут выбирали те, кто любит перестраховываться. Особой спешки не было, а видимость активного отдыха надо было продемонстрировать. Перелет из Джакарты на остров Сулавеси, оттуда – на архипелаг Талауд – на частном одномоторном самолете и, что особенно противно, в грозу. Резиденты российской разведки в азиатском регионе, что отрадно, еще не перевелись. В одном из рыбацких поселков утомленных «туристов» поджидал хромоногий улыбчивый старичок неопознанной национальности, а при старичке – моторно-парусный шлюп под названием «Гамбринус» (в состоянии

«сел и поехал»). На весь «Гамбринус» имелась одна-единственная каюта, но больше и не требовалось. Запас продуктов, необходимое аквалангистское снаряжение, надежные документы на случай проверки береговой службой. Острова, к которым они в итоге пришли, находились в нейтральных водах. Первый исключили довольно быстро – песчаная шишка на теле океана с небольшим пучком джунглей и отлогими намывными пляжами. Там не было ни одной скалы, о которую могла бы разбиться «Виктория». Со вторым же островом было сложнее и интереснее. Немалая территория, сложный рельеф береговой и прибрежной полосы. Начальство не гнало, времени было вдоволь. Отдых неплохо сочетался с работой. Временами спецназовцы забывали, что они на службе. Они прочесывали прибрежные воды западной части острова по квадратам – ныряли поодиночке, ныряли всем сдружившимся коллективом, любовались подводными красотами, а вечерами – закатами...

Чем это кончилось, в общем-то известно.

До начала сумерек оставалось несколько часов. Дымов был безжалостен, никаких поблажек – полная амуниция! На шхуну возвращаться не будем! Всем надеть гидрокостюмы (хорошо хоть короткие – с голыми руками и лодыжками). На ноги – кроссовки. Аквалангистское снаряжение фирмы «Zeagle» – удобное, функциональное, не занимающее много места – сложить и на горбушку. Провизию, воду, медикаменты, запасные боеприпасы – в рюкзаки и тоже на спину. Раньше у «туристов» оружия не было, а теперь вдруг стало – да столько, что глаза разбегались! – Предадимся старому доброму консерватизму, – сказал Глеб, – берем «АКСУ» и запас патронов на три часа полноценного боя. Гранаты, ножи, что там еще...

– Знаешь, Глеб Андреевич, мы тебя, конечно, любим, но как-то уже недолюбываем, – бурчала Татьяна, взваливая на себя всю эту гору и хватаясь за борт, чтобы не упасть. Курортная тоска опечалила женскую мордашку – вспомнились беззаботные времена двухчасовой давности, солнышко, шезлонг, ленивое ничегонеделанье.

– С палубы все убрать, чтобы порядок мне тут был, – распорядился он, сдвинув брови.

– Ну, конечно, – ворчал Гурьянов, выполняя приказы начальства. – Отмыть, пропылесосить, бахилы в корзинку. Придут пираты, а у нас не убрано – какая стыдобушка.

Суровый марш-бросок вдоль береговой полосы в обратном направлении. Спецназовцы петляли между валунами, которых здесь было бесчисленное множество, спускались к воде, где позволяли береговые складки, взбирались на обрыв, опасно косясь на гомонящие джунгли. Лес вставал непроницаемой стеной, джунгли жили энергичной жизнью – там что-то чирикало, ухало и свистело, потрескивали цикады, раздавался громкий хруст и скрежет. Они заблаговременно обходили расщелины, проверяя их на наличие змей и прочих недружественных человеку существ, старались не углубляться в лес. Получасовая прогулка основательно истрепала нервы и выжала пот. В районе шести вечера по местному времени пловцы расположились на западной оконечности острова, на краю вдающегося в море мыса. Здесь утесы формировали массивный навес, в изобилии громоздились камни, метровыми пучками колосилась трава. Слева выделялась симпатичная бамбуковая рощица, растущая обособленно от джунглей, справа – на северо-западе – заваленная валунами коса, отделяющая северную сторону суши от западной. Солнце клонилось к закату, и море серебрилось от ярких блесков. Отсюда хорошо просматривалось место, где был затоплен пиратский катер, цепочки коралловых рифов, крохотные каменистые островки, разбросанные по мерцающему пространству. Волны практически не было, природа источала спокойствие.

Впрочем, недолго. Нарастало гудение – все ближе, ближе. Спецназовцы сползали с камней, вжимались в землю. Из-за каменистой косы на северо-западе выплывало что-то угловатое и массивное. Сначала показался иглообразный, расширяющийся к основанию бушприт, затем нос судна с небольшой носовой надстройкой – полубаком. Следом постепенно вырисовывалась сама каракатица – продолговатая, окрашенная сверху серой краской, а ниже иллюминаторов –

темно-коричневой. Судно имело машинную тягу, но это не мешало ему нести парусное вооружение. Паруса на обеих долговязых мачтах были свернуты, но такелажная оснастка была на месте – многочисленные ванты, тросы, соединяющие бушприт и фок-мачту, канатные лестницы. На борту в передней части было выведено латинскими буквами «Лукреция». Полууют каракатицы представлял отдельную кормовую палубу, задранную на метр относительно основной, и лишь придавал произведению морского судостроения дополнительную угловатость. Двухмачтовый барк, машинально отметил Глеб. Проще говоря, бригантина. Бушприт, передняя фок-мачта, грот-мачта – и вся рангоутная оснастка. По палубе ходили люди, какая-то «обезьяна» сидела на фок-рее, держась за ванты, и вела «мониторинг». Лица с расстояния не читались, дистанция была не меньше двух кабельтовых – вероятно, судно имело приличную осадку, и рулевой побаивался приближаться к рифам. Особую настороженность вызывало зачехленное оборудование, возвышающееся на полуоте. Какие-то лебедки, талрепы, тали, внушительные шестеренчатые брашпили – явно для подъема из воды тяжелых грузов и перемещения их по палубе...

– Японский городской... – зачарованно прошептал Гурьянов. – Слушай, командир, в натуре, у нас конкуренты объявились. Держу пари, они не просто так тут шныряют... Да у этих парней, не иначе, целая флотилия...

Остальные помалкивали, исподлобья наблюдая за судном. Только Дениска начал что-то утробно мурлыкать на тему «Уходит бригантина от причала». Но замолчал, когда «Лукреция» вошла в квадрат, где он нашел железную штуквинку, похожую на фрагмент обшивки судна. Засопел как-то требовательно – проходи, дескать, быстрее, проходи, не задерживай! Облегченно вздохнул, когда бригантина миновала «опасный» участок, и вновь затаил дыхание – теперь «Лукреция» бороздила ту часть акватории, где на дне покоился катер с мертвыми разбойниками. Но и этот квадрат она прошла без остановки, стала огибать левым бортом «перстообразную» скалу, похожую на перевернутый граненый бокал. Несколько тяжелых минут, когда не хотелось ни думать, ни говорить, и судно скрылось за бамбуковой рощицей на юго-западе.

Глеб крякнул.

– Ну, что ж, товарищи офицеры, если желаете об этом поговорить...

– Желаем, товарищ майор, но это еще не все, давайте помолчим, – пробормотал чувствительный на ухо Дениска, и снова все заткнулись, невольно подтянув к себе автоматы.

Теперь возник неказистый катер – похожий на потопленный, но значительно крупнее. Судно двигалось у кромки прибоя – осадка и габариты позволяли. Он вывернул из-за того же каменистого мыса, но сделал вираж, прижавшись к берегу, и приближался на малом ходу. По левому борту толпились вооруженные люди, они внимательно разглядывали разбросанные вдоль побережья островки, скалы и расщелины на каменистом берегу, провалы в карстовых гребнях, напоминающих застывшую вулканическую лаву. Спецназовцы машинально подались назад, прижались к земле – воевать в этот час не хотелось, и желание легко объяснялось. Тащились резиновые минуты, тархтел изношенный мотор. Катер приближался, лавируя между скоплениями камней. Он был уже рядом с затаившимися пловцами, наблюдатели с автоматами наперевес пристально созерцали прилегающую местность. Люди молчали – видимо, прониклись ответственностью. Публика того же пошиба – пестрое многонациональное воинство в расцвете сил и лет (пираты двадцать первого века), скуластые азиатские физиономии с раскосыми недобрыми глазами, парочка бородатых европейцев в пестрых рубахах, щербатый негр со «спортивным обручем» в ухе, угрюмый выходец из Закавказья с легким пулеметом Калашникова на плече. На корме обособленно от прочих возвышалась колоритная фигура – белобрысый субъект в потертом джинсовом костюме, возможно, уроженец Северной Европы, плечистый, выше прочих, физиономия будто вырублена из камня, губы презрительно сжаты – вылитый богатырь из скандинавского эпоса.

– Венец творения, блин... – неодобрительно пробормотал Дениска, погружаясь носом в прелый гумус.

– Суровый, как трубопрокатный стан, – подхватила Татьяна. – Слушай, командир, тебе не приходит в голову, что наши акции на этом рынке как-то понижаются?

– Заткнитесь... – прошипел Глеб.

Их не могли засечь – морской спецназ умеет прятаться не только в воде. Но становилось реально не по себе – такое ощущение, что сейчас прогремит гортанная команда, и шквал огня сметет обрыв, разбросает камни и всех, кто за ними спрятался. Он еле сдерживался, чтобы не проорать команду: открыть огонь, забросать противника гранатами! Вот они, совсем рядом – на расстоянии броска! Искушение было велико, но он не имел ни малейшего понятия, что здесь происходит, каковы неприятельские силы, насколько они информированы. Раньше времени выдать себя – практически приговор...

Сопели под боком товарищи – похоже, они тоже чувствовали себя немного обесчещенными. А катер между тем протарахтел мимо, обогнул «фаллическую» скалу и скрылся с глаз долой. Какое-то время доносился простуженный треск старенького двигателя, но вскоре затих.

– Подождем еще? – вынес предложение Дениска. – Похоже, у них тут хоровод.

Несколько минут висела тоскливая тишина, потом спецназовцы завозились, стали подниматься, разминать затекшие конечности.

– Ну, что ж, товарищи офицеры, новости не самые утешительные, – резюмировал Глеб. – В первом приближении это выглядит так. Некая компания – не будем называть ее имени, поскольку не знаем, – обладает той же информацией, что и мы. Прибыли эти граждане сегодня и пока еще осматриваются и принимают. Волнует ли их российский олигарх, неизвестно, но то, что их волнует золото, спрятанное в трюмах «Виктории», на обсуждение не выносится. Частные ли это морды или юридические, нас также не волнует – публика явно отморозенная, и вряд ли нас отдадут под суд после того, что мы наделали с их товарищами. А данных товарищей в данный момент тщетно ищут и озадаченно гадают, куда же пропало судно, битком набитое их боевыми коллегами? Пока они просто курсируют вдоль острова, особо не всматриваясь. Но, думаю, с рассветом начнут тщательную зачистку, будут скрупулезно обшаривать все бухты на острове и рано или поздно найдут «Гамбринус». Тут уж ничего не попишешь. Альтернатива в этой связи одна – возвращаться на «Гамбринус», заводить мотор и чесать отсюда к чертовой бабушке, что означает провал высокой миссии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.